SPA-детектив
татьяна
ПОЛЯКОВА
интим
не предлагать

Татьяна Викторовна Полякова

Интим не предлагать

Серия «Авантюрный детектив»

текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122436
т.Полякова Интим не предлагать: Эксмо; Москва; 2005
ISBN 5-699-10010-5, 5-699-10107-1

Аннотация

Не открывайте чужие шкафы, из них может вывалиться труп. Дарья Агафонова, на свою голову, шкаф открыла. И тут же стала опасной свидетельницей. А такие долго не живут. Жди теперь убийцу. Но сидеть и ждать не в привычках Дарьи. В свое время она скрутила сексуального маньяка. А чем хуже убийца?! Он ищет свидания с ней? Он его получит...

Содержание

Татьяна Полякова 4
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Татьяна Полякова
ИНТИМ НЕ ПРЕДЛАГАТЬ

Он стоял передо мной, уставясь в пол, переминался с ноги на ногу и громко сопел, пытаясь таким образом выразить свое негодование по поводу затянувшегося допроса.

– Ну и?.. – вздохнув, спросила я. Он поскреб затылок, поддал кроссовкой угол коврика, склонил голову ниже и засопел еще выразительнее. – Так, – удовлетворенно кивнула я, медленно наливаясь краской. Само собой, удовлетворение относилось не к тому факту, что Сенька молчит как рыба, намекая на свое присутствие лишь выдающимся сопением, а к тому, что я в очередной раз оказалась права: педагог из меня никудышный и со стороны сестры было чистым безумием попросить меня присмотреть за ее единственным и чересчур любимым чадом. Десять дней назад именно эту мысль я пыталась довести до ее сознания, когда она, позвонив часа в два ночи, с места в карьер заявила:

– Дарья, мы уезжаем.

– Свинство какое, – чуть не плача ответила я. – Я только что уснула, и вот пожалуйста.

– Не ворчи, – отмахнулась Машка, которая была на тринадцать лет старше меня и по этой самой причине верила, что совершенно необязательно считаться с моим мнением. – Ты слышала, что я сказала?

– Конечно. – Я потерла глаза и устроилась в постели поудобнее, зная склонность сестры к долгим телефонным разговорам.

– Ну и что?

– Что? – удивилась я.

– Мы уезжаем, – начала свирепеть Машка. – А ты даже не спросишь куда.

– Слушай, два часа ночи, чего ты от меня хочешь? Ну куда?..

– Мы едем на раскопки. В пустыню…

– Тоже мне новость. – Теперь я начала злиться: сестра у меня археолог, так же как и ее муж, и в этой самой пустыне они сидят безвылазно по девять месяцев в году, окончательно свихнувшись на черепках, костях, неолите и прочей совершенно недоступной моему пониманию ерунде. Впрочем, крамольных мыслей в присутствии сестры я никогда не высказываю. – Слушай, Машка, – жалобно начала я. – Вали в свою пустыню и позвони мне оттуда днем, а? У меня нормальный биологический цикл, ночью я сплю, хоть ты можешь мне и не поверить…

– Помолчи немного, – прервала сестра мои излияния. – Мы уезжаем через два дня. А у Сеньки каникулы. Что ему делать в пустыне?

По моему мнению, там и Машке делать было нечего, а уж ребенку тем более.

– Отправь его к бабушке, – понемногу приходя в себя, посоветовала я.

– Ты же знаешь, Марина Васильевна недавно перенесла операцию, ей нужен покой…

Тут до меня наконец-то дошло: Машкина свекровь поправляется после операции, другой близкой родни у нас не наблюдается, выходит…

– Э-э, – начала я не совсем уверенно. – Ты хочешь, чтобы я взяла Сеньку к себе?

– Конечно. На два месяца. У тебя же отпуск. Вот и отдохнете.

Вообще-то я планировала провести отпуск иначе.

– Слушай, а кто всегда считал, что мне нельзя доверять ребенка, что я его испорчу, все такое…

– Я и сейчас так считаю, но у меня нет выбора. В общем, я купила билет. Сенька приедет в среду, в 15.20. Обязательно встреть его, он непременно наберет груду всякого дурацкого барахла.

– Хорошо, – покорно сказала я. – Только потом никаких претензий. Я плохой педагог, и тебе это доподлинно известно, я не умею воспитывать детей, особенно твоего Сеньку, а если и воспитываю, то неправильно.

– Воспитывай как умеешь, домой вернется, и будем перевоспитывать. Значит, в среду, в 15.20. Не забудь.

В среду я, изнывая от жары, томилась на вокзале, приехав туда где-то в половине третьего, автобус запаздывал, и я битый час торчала на солнцепеке. Видавший виды «Икарус» наконец возник из-за поворота, остановился, странно дернулся, а я подумала: «За сорокаминутное опоздание грех на него обижаться. Скорее удивляет, как эта развалина вообще смогла преодолеть четыреста километров». Дверь открылась, появились пассажиры, а я принялась высматривать Сеньку. Голова его тут же возникла в третьем окне, он улыбался и махал мне рукой. Я тоже замахала руками, неизвестно чему радуясь, а через пару минут любимый племянник оказался в моих объятиях.

– Рада, что я приехал? – спросил он, излучая довольство.

– Еще как, – ответила я.

– Меня на все каникулы отправили. До тридцатого августа. Здорово, правда?

– Я счастлива.

– А у тебя когда отпуск?

– С пятнадцатого июля.

– Класс, на рыбалку поедем, на Волгу, как в позапрошлом году? А еще можно в поход на великах…

– Можно, – согласилась я. То, что меня ожидает чрезвычайно активный отдых, сомнений не вызывало. Болтая таким образом, мы извлекали из багажного отделения сумки, я насчитала их восемь штук. – Что это такое? – удивилась я, когда Сенькино добро было выгружено и заняло все свободное пространство вокруг нас.

– Вещи, – пожал плечами племянник.

– Вижу, что вещи. В твоем возрасте я путешествовала налегке. И как, скажи на милость, мы допрем все это до машины?

На счастье, стоянка была недалеко, навьюченные, как верблюды, короткими перебежками мы добрались до нее и погрузили вещи в багажник.

– Дарья, – ликовал Сенька, – я так рад, что приехал к тебе…

Ну а теперь он вовсе не улыбался, а усердно сопел, не оставляя ковер в покое, ковырял его кроссовкой и томился под моим горящим взглядом.

– Объяснять ты ничего не хочешь, – кивнула я. – Я, со своей стороны, не желаю видеть племянника инвалидом, а дело, судя по всему, идет к этому. Остается одно: дать телеграмму твоим родителям…

– Не надо, – торопливо сказал он.

– Надо, надо, ты почти калека, а я даже не знаю, в чем дело…

– Никакой я не калека, чего ты выдумываешь? – Сенька коснулся пальцами синяка под левым глазом прямо-таки выдающихся размеров и добавил: – Обычное дело…

В принципе, я была с ним согласна: синяк для четырнадцатилетнего мальчишки и в самом деле не бог весть что, да вот беда, его правый глаз украшал точно такой же синяк, приобретенный вчера, и тоже по обычному делу. Так как у Сеньки, как у всех нормальных людей, только два глаза, мне оставалось только гадать, в каком виде он появится завтра.

– Вчера ты неудачно упал с велосипеда, – добавив в голос суровости, напомнила я. – Упал с велосипеда и заработал синяк под глазом. Я не учинила тебе допрос с пристрастием,

хотя сама, падая с велосипеда, обдирала коленки или лоб, на худой конец. Но сегодня тебе все же придется объяснить, почему ты так упорно падаешь с велосипеда, и все на глаза.

– Это мое личное дело, – пробормотал он.

– Извини, теперь уже нет. Я за тебя отвечаю. Если бы твоя мать видела тебя сейчас, с ней бы случился нервный припадок. Отправляя тебя ко мне, она рассчитывала, что здесь ты по крайней мере в безопасности. И что?

– Что? – Теперь он вздохнул со всхлипом, опустил плечи и принял самый что ни на есть покаянный вид.

– Ничего. Завтра же с первым автобусом к бабушке, а там к родителям в пустыню. В пустыне драться будет не с кем, на то она и пустыня.

– Я за правое дело, – торопливо сказал он.

– Само собой, – кивнула я. – А что за дело такое?

Он еще немного помялся, но все же ответил:

– Он фотографию отобрал. И не отдает.

– Фотографию? – не сразу дошло до меня. – Какую?

– Анину…

Аня – это, между прочим, Сенькина девушка. Он, как истинный влюбленный, носил ее фото с собой в одном чехле с проездным билетом.

– Зачем кому-то ее фотография? – нахмурилась я.

– Незачем, просто из вредности. Я ее Петьке показывал, а этот гад подошел и выхватил. Я говорю отдай, а он всякие гадости… Я ему и врезал.

– А он тебе, – подсказала я.

– Между прочим, их было трое, а я один…

– Почему один, а Петька?

– Петька удрал. Испугался.

– Вот так друг. А на труса вроде бы не похож.

– Петька не трус, он испугался, Упыря все боятся. И я боюсь, но ты сама всегда говоришь: со злом надо бороться и всяким гадам спуску не давать. А Упырь самый настоящий гад и есть.

«Вот уж что верно, то верно».

– Да где ж вас черт свел? – не очень педагогично рявкнула я. – Ведь Упырь к нам во двор не ходит.

– В парке. Мы с Петькой в тир пошли пострелять, а потом за мороженым. Сидели на скамейке, а эти сзади подошли. Упырь фотографию у Петьки вырвал… у меня бы не вырвал.

– Ясно, – пробормотала я. – А сегодня вы где встретились?

– Мы не встретились. Я сам к нему в парк ходил, чтоб фотографию вернуть.

– Вернул?

– Нет. Ну ничего…

– Завтра опять пойдешь? – кашлянув, спросила я, пытаясь скрыть чувство глубокого неудовлетворения, всецело заполнившего мою душу.

– Пойду, – буркнул Сенька упрямо.

– Может, он уже разорвал ее?

– Нет. Он мне ее показывал. Дразнит…

– Ага, – только и нашла я что сказать, косясь на Сеньку. Племянника родители воспитывали правильно, всяким гадам в самом деле спуску давать нельзя, но теперь я этому обстоятельству была совсем не рада. Дело в том, что в нашем районе Упырь – личность известная. Парню семнадцать лет, школу давно бросил, родителям до него никакого дела. Собрал вокруг себя ребятишек лет пятнадцати и целыми днями шатается по улицам. Вечерами многие родители были вынуждены встречать своих деток, если их путь лежал через

парк (обычное место дислокации Упыря с компанией), да и взрослые без особой нужды в парке появляться не решались. И вот теперь эта шпана прицепилась к моему Сеньке. Сама по себе ситуация не из приятных, а тут еще правильное воспитание: сиди племянник во дворе, глядишь, Упырь оставил бы его в покое, наш двор его не жаловал, и он его тоже, но ведь Сенька сам на рожон лезет… Ну надо же… А до моего отпуска еще целая неделя, за это время мальчишку и в самом деле без ног оставят.

Я поднялась с кресла и подошла к Сеньке, вздохнула, а он наконец поднял на меня глаза, ясные и чистые, как небо в погожий летний денек, и под этим взглядом мне ничего не осталось, как широко улыбнуться.

– Пойдем примочку делать, – положив руку ему на плечо, сказала я.

Аккуратными кружочками нарезая помидоры, я то и дело поглядывала в окно. Сосредоточиться на приготовлении любимого салата никак не удавалось. Очень меня беспокоили Сенькины синяки и мучил вопрос: какого очередного увечья следует ожидать. То, что увечья будут, – не вопрос, Упыря я знала неплохо, а Сенька, как ни крути, прав: фотографию любимой девушки у негодяя следует отобрать. Только как это сделать мальчишке, когда его противник на три года старше, вдвое сильнее, да еще имеет привычку везде таскать за собой свору таких же головорезов?

Три года назад только благодаря моим стараниям Упырь, в миру Серега Клюквин, не был отправлен в исправительное учреждение для малолетних преступников, о чем я сейчас, по понятным причинам, очень сожалела. Впрочем, и без синяков на Сенькиной физиономии поводов сожалеть об этом было предостаточно; как я уже говорила, за три года Серега Клюквин из мелкого воришки сделался грозой района. Конечно, колония парню вряд ли бы пошла на пользу, зато жильцам соседних домов было бы много спокойнее. Но три года назад… Три года назад я была наивной дурочкой, вот что. По Упырю тюрьма плачет, он туда отправится со дня на день, а вот если бы это произошло раньше, сейчас у меня не было бы головной боли.

Я отбросила нож в сторону, оперлась руками на край стола и тяжело вздохнула.

– Надо что-то делать, – пробормотала я под нос и вновь уставилась в окно.

Там не было ничего примечательного: двор, кусты боярышника и пес Кузя, отдыхающий в тенечке возле своей будки. Пес был общедворовым: несколько лет назад появился неизвестно откуда и завоевал нашу любовь общительным и веселым нравом, хоть и выглядел внушительно, потому что был московской сторожевой. Я давала объявления в газету, но за Кузей никто не пришел. Общими стараниями возле гаражей ему соорудили будку, а кормили всем двором, зимой, когда становилось особенно холодно, пес жил в подъезде. Двор Кузя в одиночку никогда не покидал, должно быть, наученный горьким опытом, целыми днями носился с детишками и громким лаем оповещал о том, что во дворе чужие.

– Кузя, – позвала я, пес подошел, слегка потягиваясь, а я, перегнувшись через подоконник, дала ему сосиску. – У Сеньки два синяка, – решила я пожаловаться, понижая голос, чтобы племянник меня не услышал. – Упырь отобрал у него фотографию любимой девушки. Что ты на это скажешь? – Услышав об Упыре, Кузя насторожился. Упыря он терпеть не мог. Прошлым летом, воспользовавшись тем, что характер у пса на редкость благодушный, Упырь сыграл с ним злую шутку, правда, здорово поплатился за это. Терпеливый Кузя пришел в бешенство и покусал мучителя, тому наложили двенадцать швов в районе тазобедренного сустава, и парень пару недель мог либо стоять, либо лежать на животе, но только не сидеть. Его мамаша, Валька Клюквина, на ту пору как раз пребывала в редком межзапойном состоянии и, явившись в наш двор, визгливо требовала изничтожить Кузю. Пса мы отстояли, и с тех пор у Кузи с Упырем пошла вражда. Упырь в нашем дворе появляться не рисковал, чему жильцы трех пятиэтажек были безумно рады.

Кузя проглотил сосиску, хитро посмотрел на меня и перевел взгляд в сторону, как раз туда, где между двумя домами был выход с нашего двора.

– Думаешь, следует Упыря навестить? – насторожилась я. Пес вполне отчетливо кивнул. Я потерла нос, покусала губы и наконец согласилась. – Ладно, по крайней мере мы должны выяснить, что происходит и как далеко все это зашло. Не могу я позволить, чтобы ребенка колотил какой-то там Упырь. – Я еще некоторое время распиналась в том же духе, скармливая собаке сосиски. Кузя ел степенно, не чавкал, время от времени поглядывая на выход со двора. Облизнулся и тихо тявкнул. Если честно, я всегда замечала за собой склонность к болтливости, а уж когда волнуюсь, тут просто беда какая-то: тараторю без остановки. Даже Кузя обратил на это внимание, мне стало стыдно, я сказала ему: – Жди, – отошла от подоконника, сняла фартук и прокралась к маленькой комнате.

Сенька крепко спал, свесив голову с кушетки. Я на цыпочках подошла к нему, осторожно сняла наушники, выключила магнитофон и спешно покинула квартиру. Кузя сидел возле подъезда. Я свистнула, и мы, тревожно оглядываясь, отправились со двора. В основном оглядывался Кузя, как я уже сказала, покидать двор он не любил, но другом был верным, оттого и вышагивал рядом, хотя особого удовольствия от этого не испытывал.

Миновав гаражи, мы вошли в соседний двор. Пес насторожился.

– Для начала проведем разведку, – сочла необходимым пояснить я, чтобы он понапрасну не ломал себе голову. – А уж после этого отправимся к Упырю.

Не успели мы сделать и десяти шагов, как в кустах акации по соседству что-то затрещало и на узкую тропинку выскочил мальчишка лет восьми и, едва не сбив Кузю (тот успел вовремя отпрыгнуть), опрометью бросился через двор и скрылся за углом двухэтажки, где располагался магазин. Только-только мы начали приходить в себя, как в кустах вновь раздался треск, затем послышался странный шлепок, кто-то охнул и громко сказал:

– Холера…

Кузя выразил недоумение легким шевелением ушей, а я полезла в кусты, потому что голос мне показался знакомым. С некоторой настороженностью раздвинув ветки, я увидела метрах в трех от песочницы нашего участкового Петровича, мужчину внушительной комплекции и совершенно лысого. В настоящий момент он, припадая на одну ногу, ковылял к песочнице. Лысина его приобрела брусничный оттенок, а я с удивлением отметила, что выглядит Петрович крайне непривычно: без головного убора да еще и в спортивном костюме.

– Петрович, – позвала я. – От тебя Чугунок улепетнул?

Участковый выпрямился, посмотрел на меня и бодро гаркнул:

– Здорово, Дарья.

– Здорово, – кивнула я, подходя ближе. Мы устроились на песочнице, а Кузя остался возле акации, бдительно поглядывая по сторонам.

– Куда направились? – спросил Петрович, потирая колено.

– Дело есть. Ты упал, что ли?

– Ну… За гаражами детвора костер разложила, в такую-то жарищу. Пришлось внушить. Пока огонь заливали, какой-то чертенок из кармана сигареты свистнул. Что ты будешь делать… одно слово: сорванцы. И как горох в разные стороны. Побежал за Чугунком, да где там… в коленке что-то щелкнуло. Не знаешь, чего это?

– Надоел ты мне со своей коленкой, – отмахнулась я. – Раз сто тебе предлагала: иди в наш реабилитационный центр. Врачи лучшие в городе и прямо напротив твоего дома, а тебе для своего здоровья лишний шаг лень сделать.

– Не ворчи, Дарья, пойду лечиться, вот ей-богу. В понедельник.

– Закормил понедельниками…

– Честно пойду… А чего у вас за дело с Кузей?

– Упыря ищем. Не видел?

– Зачем тебе Упырь? – искренне удивился участковый.

– Племяннику моему, Сеньке, наставил синяков. Боюсь, этим дело не кончится. Упырь у него фотографию отобрал, девчонка подарила, Сенька, само собой, в драку, ну и получил.

– А фотография?

– Фотография у Сереги. Добром не отдаст. А Сенька парень упертый…

– Есть в кого, – хмыкнул Петрович, затем протяжно вздохнул и поскреб в затылке. – Фотографию не отдаст. Скажет, потерял или выбросил. А Сеньку дразнить будет, на это он мастер… Надо что-то с Упырем делать. Замучил всех. Григорьев из сорок восьмой жаловался: колпаки свистнули. Ясно, что Упырь с дружками, так ведь не поймали.

– Упырь осторожный, – со злостью заметила я.

– Ну… твоими молитвами. Говорил я тебе тогда: пустое дело его от колонии спасать. Нутро у него гнилое, а ты: ребенок, ребенок… Вот теперь не ребенок, и самое ему в колонии место, а ведь не докажешь. Законы лучше меня знает, я ему слово, он мне пять.

– У него условный срок когда кончается?

– Месяц остался. А чего?

– Ничего, размышляю. А ты почему не при параде? – додумалась спросить я, глядя на видавший виды спортивный костюм участкового.

– Так какой теперь парад? Третий день на пенсии. В субботу проводили.

– Ты на пенсии? – не поверила я.

– Конечно, – обиделся Петрович. – Все сроки вышли. Пора и молодым дорогу дать. А я уж на общественных началах…

– Кто ж у нас теперь участковый?

– Андрюшка Коломейцев, Марьи Петровны внук, из сто седьмого дома. Вот, пришел на смену… Правда, временно. Парень он неплохой, а что до молодости, так молодость не порок. Жизнь, она всему научит.

– Надо бы мне с ним встретиться, – заметила я.

– Ну, какой разговор. – Петрович посмотрел на часы. – Давай часа в три встретимся в моем кабинете… в его то есть. Потолкуем. С Упырем надо что-то решать. Зарвался парень.

– В три? – Я тоже взглянула на часы.

– Придешь?

– Приду.

Я поднялась и, кивнув Кузе, зашагала к кустам.

Андрея Коломейцева я помнила упитанным, веснушчатым мальчишкой, который вечно ныл и не давал покататься на своем велосипеде. А вот теперь он, оказывается, наш участковый. Впрочем, я тоже довольно давно не играю в «классики», и если я за это время успела закончить институт, то и Андрюхе ничто не мешало сделать то же самое.

Выбравшись из кустов, я огляделась и, сунув в рот два пальца, по-разбойничьи свистнула. Надо сказать, свистеть я умею мастерски, вызывая тем самым зависть у мужского населения района младше пятнадцати лет. Но и без того я человек в нашем районе довольно известный. Семь лет назад обо мне часто писали газеты, и не только областные. Я занималась художественной гимнастикой и кое-чего в этом виде спорта достигла. Правда, олимпийского «золота» так и не увидела. В девятнадцать лет, возвращаясь с дачи, я попала в аварию, и с большим спортом пришлось проститься. Поначалу это было нелегко, но раскисать я себе не давала, окончила институт и начала работать тренером в своей спортивной школе. Год назад, когда наш директор по состоянию здоровья ушел на пенсию, я совершенно неожиданно для себя оказалась на его месте единогласным решением коллектива, которое, что еще более неожиданно, охотно поддержало начальство. Забот на меня свалилось столько, что

горевать об олимпийском «золоте» просто времени не было. И теперь, размышляя о своей жизни, я могла с убежденностью сказать: что бог ни делает, все к лучшему.

Свистнув, я еще раз огляделась и вскоре заметила, как дрогнули ветви кустов напротив. Кузя тоже заметил, хотел тявкнуть, но, посмотрев на меня, флегматично отвернулся.

– Чугунок, – позвала я не слишком громко. – Вылазь.

Ветки раздвинулись, появилась невероятно чумазая физиономия, затем очам моим предстал Чугунок в полный рост, в драных шортах, ядовито-красной майке и спросил опасливо:

– Петрович где?

– Ушел. Кто сигареты украл? Воровать дело опасное. Могут по рукам дать, а курить вредно. Вроде бы мы с тобой беседовали на эту тему?

– Ага, – кисло ответил Чугунок. – Сигареты Валька спер, а я третий день не курю. В завязках. Я слово держу, ты ж знаешь.

– Знаю. Только чего ж Петрович за тобой припустился? Еще и ногу подвернул.

– Петрович ко мне придирается. Я тебе еще в тот раз говорил: чуть что, сразу Чугунок.

– Классно заливаешь, я сейчас прямо заплачу.

Он наконец приблизился, протянул мне ладонь, торопливо вытерев ее о штаны, и сказал:

– Здорово, Дарья.

– Здорово. Отойдем-ка в сторонку для разговора…

– Воспитывать будешь? – кисло поинтересовался он.

– У тебя мать есть.

– Теперь еще и папаша объявился. Ванька Косой, что у гастронома побирается, к мамке моей прибился, а вчера, не поверишь, говорит мне: – Васятка, ты, говорит, Васятка, меня отцом зови. Отцом… вот умора. На хрена, скажи, мне такой папаша? Мне и мамки за глаза хватает.

– Мамка самогонкой торгует?

– Само собой.

– У нас участковый новый, предупреди мать, пусть поаккуратней.

– А наш Петрович?

– На пенсии.

– Дела. – Чугунок погладил Кузю и со вздохом заметил: – Новая метла по-новому метет. Поговоришь с ним?

– Поговорю.

– Ага… Мы ведь без этой самогонки с голоду подохнем.

– Знаю, – кивнула я. Мы немного помолчали, мысли у обоих были невеселые.

– Как у Сеньки глаз? – спросил Чугунок, которого по-настоящему звали Васькой.

– Нормально.

– Ага… Не лез бы он к Упырю. Ведь тот нарочно его дразнит.

– Не лез… а фотография?

– Пусть девчонка еще раз ему фотографию пришлет.

– Не в этом же дело, – вздохнула я.

– Понимаю. – Мы опять замолчали. – Дарья, – шмыгнув носом, сказал Васька. – Упырь в наш универсам повадился.

– Зачем? – не сразу сообразила я, занятая печальными мыслями.

– А ты подумай. Мать у него запойная, а пожрать он любит. Только я тебе ничего не говорил.

– Само собой. Ты сегодня Упыря видел?

– Конечно. В парке, на его обычном месте. – Васька еще раз погладил собаку и, кивнув на прощание, растворился в районе гаражей. А мы с Кузей направились в парк.

Если честно, встречаться с Упырем мне совершенно не хотелось. Во-первых, потому что его физиономия сразу же напоминала мне о собственной глупости: будь я чуть умнее, наш район не страдал бы от выходок этого гаденыша, во-вторых, я была убеждена, что взывать к его совести дело зряшное и мы с Кузей понапрасну теряем время. Именно по этой причине всю дорогу до парка я хмурилась и тяжко вздыхала, так что Кузя сначала поглядывал на меня с недоумением, а потом и вовсе скис. Перед Кузей было стыдно, две недели назад, когда он занозил лапу я, оказывая медицинскую помощь, советовала ему быть оптимистом, хотя пес еще несколько дней после проведенной операции неловко скакал по двору на трех лапах. Советы давать легко, а как до дела дошло, оказалось, что у меня самой этого оптимизма кот наплакал. Кузя по доброте душевной напоминать мне об этом не стал, но я все равно сочла нужным пояснить:

– Если б дело касалось меня… а тут Сенька. Он же ребенок.

Кузя кивнул и пошел веселее, виляя хвостом, как видно, таким образом пытаясь меня подбодрить. Через десять минут мы вошли в парк. Парк был небольшим, к фонтану, находящемуся в самом его центре, вели четыре аллеи. Фонтан требовал ремонта, и включали его не чаще двух раз в год: двенадцатого июня и в День города. Не только фонтан, но и весь парк заметно хирел. Кусты не подстрижены, на клумбах при входе заморенные флоксы, скамейки сломаны… Мы с Кузей свернули с дорожки, миновали заросли сирени и вышли к деревянной беседке. На скамейке, закинув ноги на перила, сидели пятеро подростков, на проваленном полу валялись бутылки, окурки и прочий мусор, да и сами ребята выглядели так, точно их нашли на помойке. Парнишка с прыщавым лицом бренчал на гитаре и выводил что-то в высшей степени заунывное, сидевший рядом с ним подросток лет четырнадцати решил было подпеть, но, увидев меня, расплескал пиво и страшно закашлялся. Упырь, восседавший в центре, тоже заметил меня и препротивно улыбнулся. Симпатичным прозвищем Серега Клюквин был обязан своей внешности: высокий, худой, с землисто-серым цветом лица, блеклыми, всегда воспаленными глазами, длинным носом и невероятно большими острыми ушами. Он здорово походил на летучую мышь.

Улыбка нисколько не украсила его физиономию. Даже если б он и не лыбился так глумливо, симпатичной ее никак не назовешь: несмотря на юный возраст, у Сереги отсутствовала половина зубов, а вторая половина выглядела так паршиво, что любой стоматолог мгновенно бы хлопнулся в обморок.

– Здравствуйте, – сказала я громко, Кузя сел копилкой и на всякий случай зарычал.

– Привет, – недружно ответили мне, гитарист прекратил свой сольный номер, а Упырь презрительно сплюнул себе под ноги.

– Сергей, мне с тобой поговорить надо, – сказала я как можно спокойнее. Упырь хмыкнул, посмотрел на приятелей, кивнул и ответил лениво:

– Ну, говори.

– Ко мне племянник на каникулы приехал…

– А мне по фигу…

– Может, я договорю, а ты дослушаешь? Ты у него фотографию отобрал. Тебе она совершенно не нужна, а мальчишка переживает. Пожалуйста, верни фотографию и оставь Сеньку в покое.

– Я к твоему Сеньке не приставал, сам нарывается.

– Конечно, раз ты ему фотографию не отдаешь.

– И не отдам. Я ее в сортире повесил… – Он еще кое-что присовокупил, отчего пес заметно смутился, а я, вздохнув, сказала:

– Значит, не вернешь?

– Не-а. Сеньке своему скажи: пусть со двора нос не высовывает, не то худо будет…

Я на минуту задумалась.

– У тебя когда срок кончается, через месяц? – полюбопытствовала я.

Серега насторожился, но, взглянув на дружков, сказал вызывающе:

– А чего тебе мой срок?

– За месяц много чего случиться может. Я бы на твоем месте вела себя скромнее.

– А ты меня не пугай…

– Я тебя не пугаю, я объясняю. В месяце тридцать дней, а ты на дню по пять раз отмачиваешь шуточки, за которые по головке не гладят. Тридцать на пять – это много, на одной из этих шуток я тебя поймаю, и мы простимся года на три как минимум, а мой Сенька пока и вправду во дворе посидит.

– Да пошла ты… – зло фыркнул Серега, но по всему было видно, что кое-какое впечатление моя речь на него произвела.

– Уже ухожу. Пойдем, Кузя, – кивнула я собаке и добавила: – А то блох подцепишь. А тебя, Упырик, я предупредила. Не оставишь Сеньку в покое – суши сухари.

Вдогонку мне понеслись презрительные вопли, правда не очень громкие, особо хамить мне местная шпана опасалась. В общем, как я и предполагала, наш поход ни к чему хорошему не привел. Было совершенно ясно: добром Серега фотографию не вернет, Сенька не отступит, значит, быть ему битым, а я отвечаю за парня перед его родителями, следовательно, необходимо что-то придумать, чтобы эту сказку про белого бычка прекратить.

Возвращались мы молча, я – потому что напряженно мыслила, Кузя – потому что уважал чужое желание подумать. Пройдя мимо ЖКО, я взглянула на часы: без двух минут три. Самое время наведаться к участковому. Кабинет его размещался как раз в ЖКО, только имел отдельный вход с торца. Туда мы с Кузей и направились.

На скамейке возле крылечка с металлическим козырьком сидели Петрович и молодой мужчина в милицейской форме. В нем я без труда узнала Андрюшку Коломейцева. С момента нашей последней встречи он стал выше и упитаннее, но в остальном мало изменился: оттопыренные уши, веснушки, курносый нос и румянец во всю щеку. Завидев меня, новый участковый поднялся, надел фуражку, которая до той поры лежала на скамейке, и попытался придать себе вид бравого вояки, втянув с этой целью живот и расправив плечи. И я и он знали, что долго так ему не продержаться, но Андрюха старался изо всех сил, а я за труды наградила его своей лучшей улыбкой.

Петрович торопливо затушил сигарету, вскочил, чертыхнулся, вспомнив о больном колене, и сказал:

– Ну вот, знакомить вас не надо.

– Здравствуйте, Дарья Сергеевна, – кивнул Андрюха и даже взял под козырек, правда, тут же смягчил официальное приветствие застенчивой улыбкой.

Надо сказать, милиция в родном районе меня уважала. Дело в том, что несколько лет назад я прославилась на весь город, поймав маньяка. Этот самый маньяк терроризировал население в течение года. Когда нападению подверглась шестая по счету девушка, многие предлагали ввести в городе чрезвычайное положение. Население охватила настоящая паника, а милиция буквально сбилась с ног. Неизвестно, как долго бы это продолжалось, если бы в один из вечеров, возвращаясь со стадиона после обычной пробежки, я не повстречалась с маньяком в том самом парке, который теперь облюбовал Упырь. Я шла мимо фонтана, когда некто весьма зловеще зашептал, ухватив мою шею одной рукой и приставив к груди нож другой: «Здравствуй, красавица», – после чего я наглядно продемонстрировала, что художественная гимнастика – это не только прыжки с ленточкой, но еще и хорошая физическая подготовка. В результате маньяк был доставлен мною в районное отделение милиции, связанный прыгалками. На них я и вела его, чтоб не сбежал по дороге. Впрочем, попыток

сбежать он даже не предпринимал, загрустил, потом захихикал и стал симулировать сумасшествие, хотя я его сразу предупредила: стараешься, мол, зря, по мне хоть смейся, хоть плачь, но в милицию я тебя непременно определю. Маньяк, который, ко всеобщему изумлению, оказался заслуженным работником искусств и руководителем хора ветеранов при областном Дворце культуры, во всем покаялся, граждане вздохнули с облегчением, а я удостоилась похвалы и хрустального сосуда неопределенного назначения с дарственной надписью «Дарье Агафоновой от сотрудников УГРО Октябрьского района». Сосуд был выставлен мною на самом видном месте в гостиной. Доступ к нему был открыт (он стоял на специальной подставке), и оттого сосуд часто пылился, я ежедневно натирала его до блеска, чтобы награда выглядела достойно, и в конце концов буковки стерлись. Теперь, разглядывая его на свет, прочитать при некоторой сноровке можно было два слова «… Агафон… сотрудник…». Чтобы лишний раз себя не травмировать, я убрала сосуд в шкаф и больше никому его не показывала.

Боль об утраченной надписи внезапно кольнула сердце, когда я пожимала руку новому участковому.

– Чего ж, в кабинет пойдем или, может, на свежем воздухе? – спросил Петрович и маятно вздохнул, в роли пенсионера он чувствовал себя неловко.

– Лучше здесь, – сказала я и устроилась на скамейке.

– Ваша собака? – улыбаясь, спросил Андрей, протянул Кузе руку с намерением погладить его, но в последний момент передумал.

– Он не кусается, – успокоила я. – Пес общий, дворовый. А мы с ним друзья.

– Хорошая собачка, – осмелел участковый и погладил Кузю. – Как звать?

– Кузя.

Петрович извлек из кармана спортивных штанов кусок сахара, подул на него со всех сторон и сунул Кузе.

– На-ка сахарку. Вот ведь, псина, а сладкое любит, точно дите малое.

– Я тоже сладкое люблю, – сказал Андрей и смутился. Мы переглянулись с Петровичем и дружно вздохнули, а Андрей покраснел.

– Андрей Петрович, – с большим усердием покашляв пару минут, начал бывший участковый, участливо косясь на нынешнего. – Упырь вконец обнаглел. Вон и Дарья Сергеевна на него жалуется. Племянника ее избил, отнял фотографию. Надо с ним что-то делать.

– Ага… – нерешительно кивнул Андрей и, покраснев еще больше, спросил: – А кто такой этот Упырь?

– Серега Клюквин, – подсказала я. – Весь район от него стонет.

– Проведу беседу.

– Только что, – нахмурилась я, а Андрюха приоткрыл рот, да так и замер, а мне пришлось пояснить: – Беседу я с ним только что проводила. По-моему, плевать ему на наши беседы.

– Плевать, – убежденно кивнул Петрович. – Сажать его надо. – Взглянул на меня, нахмурился и заметил не без злорадства: – Еще три года назад…

– Ну, посадили бы его три года назад на пару лет, – отмахнулась я, – он бы уже вышел и так же нервы трепал. Дело-то не в этом.

– А в чем? – Петрович поскреб затылок и уставился на меня с таким видом, точно ожидал услышать откровение свыше.

– В том, что обстановка в районе в целом неблагоприятная.

– А… – Бывший участковый махнул рукой и скривился: – Удивила. Где она благоприятная, скажи на милость? Да если хочешь знать, наш район по воспитательной части и раскрываемости на первом месте. Краж у нас в два раза меньше, чем у соседей, ни одного изнасилования… тьфу-тьфу, с тех пор, как ты своего маньяка поймала…

– Общего, – уточнила я.

– Да пес с ним… твой или общий, главное – избавились, так что на район зря не наговаривай, а на вверенной мне территории… – Тут Петрович взглянул на спортивные штаны, в которые был облачен, отчаянно махнул рукой и скис, а Андрей подал голос:

– А этот самый Клюквин…

– Этот самый Клюквин у меня дождется, – неожиданно разозлилась я и даже для чего-то вскочила со скамьи, Кузя забеспокоился и ненавязчиво тявкнул. – Мне на ваши показатели наплевать, когда у племянника два глаза и оба подбиты. Он мне вверен родителями, как вам территория.

– Да, уважаемая Дарья Сергеевна, – покачал головой Петрович. – Смотри, как заговорила. Пока Упырь другим покоя не давал, ты все про воспитание твердила, а как пострадал родственник, так к милиции претензии, сажайте, мол… Давай посадим. Дело нехитрое, стоит только захотеть. На нем сейчас висит условный срок. Поймай на любой мелочи, да хоть на той же дворовой драке, и загремит…

Я опустилась на скамейку, косясь на бывшего участкового; конечно, он прав, оттого вдвойне обидно.

– Ну так что? – ядовито спросил он. – Сажаем?

Я посмотрела на него, на нового участкового, слабо мерцавшего глазами и только этим отличавшегося от каменного болвана, что украшал фонтан в нашем парке, и ответила:

– Я сама с ним разберусь.

– Беседовать будешь? – подсказал Петрович и ехидно добавил: – Ты ему лекцию о культуре поведения, а он Сеньке твоему синяк.

– Никаких лекций, – отрезала я и кивнула Кузе.

– Дарья, – позвал Петрович вроде бы испуганно. – Ты чего надумала?

– Чего надумала, дело мое, а ты за показателями следи. – С этими словами я зашагала в сторону своего двора. Бывший участковый ковылял следом.

– Чего ты разозлилась? – бубнил он. – На мои слова обижаться нечего. Беда с этим Упырем, как о нем заговорим, так обязательно разругаемся. Сажать его надо, вот что хошь со мной делай, а его место в тюрьме.

Андрей Петрович с совершенно ошарашенным видом догнал нас и пробормотал испуганно:

– Мы ж поговорить хотели, о ситуации… наметить мероприятия… вы, как активисты…

– Да разве с ней говорить можно, коли вожжа под хвост попала, – рассвирепел бывший участковый. – Вон несется, точно угорелая, а у меня колено…

В этот момент я замерла как вкопанная, ибо в голову мне пришла одна идея. Пока я ее обдумывала, Петрович с Андреем смогли меня догнать. Бывший участковый запыхался, физиономия его алела более обыкновенного, а в целом выглядел он совершенно несчастным, впрочем, вид нынешнего оптимизма тоже не внушал.

– Ну, чего ты? – отдышавшись, спросил Петрович.

– Я вроде утюг забыла выключить, – пробормотала я.

– Так я и поверил. Говори, чего задумала?

Покачав головой, я вздохнула:

– Упырь гаденыш, но не в тюрьму же его сажать. Отец в тюрьме сгинул, мать запойная, с пяти лет парень на улице, и, если серьезно, ничего особенно подлого он еще сделать не успел…

– Ага. Давай подождем, пока он кого-нибудь зарежет…

– Петрович, собрание окончено, у меня дома утюг.

На рысях я устремилась к родному подъезду, слыша, как бывший участковый кричит вдогонку:

– Все ты врешь… утюг. Упыря сажать надо… Сажать, слышишь, что говорю?

– Сажать, сажать, заладил, – проворчала я. Мы вошли в квартиру, пес отправился в кухню, а я осторожно заглянула в маленькую комнату, убедилась, что Сенька все еще спит, после чего присоединилась к Кузе. Тот сидел возле холодильника и пожирал его взглядом. – Сосисок нет, – сообщила я. – Могу сделать тебе бутерброд с маслом.

Кузя, натура неприхотливая, согласился и на бутерброд. Мы малость перекусили в молчании (Кузя к своему питанию относился серьезно и во время приема пищи болтовни не терпел).

– Что ж, – сказала я, когда по окончании трапезы убирала со стола, а Кузя довольно облизывался, – Петрович прав: на поверку оказалось, что я… Ладно, чего я тебе объясняю, ты и так все знаешь. На Упыря мои слова не действуют, придется брать на вооружение запрещенный прием. Это мне не по душе, но кровные узы и все такое… Ты меня слушаешь? – нахмурилась я, заметив, что Кузя вновь уставился на холодильник. – Между прочим, тебе худеть надо… – Эта мысль псу не понравилась, он оторвал взгляд от холодильника и преданно уставился мне в глаза. – Придется нам малость поработать. Для начала понаблюдать за Упырем и попробовать прижать его к стенке.

И мы пошли наблюдать за Упырем, то есть отправились все в тот же парк и битых два часа просидели в кустах по соседству с беседкой. Упырь с дружками, судя по всему, собирался встретить в парке свое пятидесятилетие, по крайней мере за два часа он никуда не отлучался и даже с лавки поднялся лишь однажды, чтобы справить нужду тут же возле скамейки, прямо себе под ноги. Просидев два часа, понаблюдав и послушав, о чем говорит Упырь с дружками, я пришла к выводу, что жизнь у него до того тоскливая, что тут не только посереешь и заостришься ушами, но и вовсе с катушек съедешь. Я представила, что он вот так день за днем сидит в этой беседке, пьет пиво, матерится, пытается исполнить песню, в которой знает два куплета, да и те перевирает, а потом идет домой, где в грязной комнате с давно не мытыми окнами без занавесок нет даже телевизора, и Упыря мне стало жалко. Но я тут же вспомнила о пострадавшем племяннике и строго-настрого запретила себе отвлекаться на вопросы Упыриного воспитания. Моя задача исключительно проста: прижать этого несовершеннолетнего хулигана к стенке и заставить вернуть фотографию Сенькиной девушки, а над педагогикой можно поломать голову и позднее.

Было уже семь часов вечера, Сенька наверняка проснулся и хочет есть, а у меня ужин не готов… Ладно, он вполне способен поджарить яйца и сделать салат из помидоров… Упырь сидит как приклеенный, в конце концов, и ему пора проголодаться. Точно услышав мои мысли, Серега Клюквин вдруг поднялся и сказал, лениво потягиваясь:

– Пойду пожрать куда-нибудь…

– Сегодня в «Торнадо» ночная дискотека. Заглянем? – спросил парнишка с гитарой. Крупный подросток со свежим шрамом на подбородке сплюнул и сообщил:

– Там теперь охрана…

– Подумаешь.

– Говорю, там охрана. Два амбала, кулаки как гири. Вован вчера сунулся, так они его враз завернули…

– Откуда охрана? – проявил интерес Упырь.

– Почем я знаю?

– Значит, накрылась дискотека, – вздохнул гитарист.

– Это мы еще посмотрим, – процедил Упырь и зашагал в сторону аллеи.

– Где встречаемся? – крикнул вдогонку мордастый.

– Где обычно, – ответил Упырь, не оборачиваясь. Мы с Кузей выбрались из кустов и пристроились за ним на значительном расстоянии.

Впрочем, предосторожность оказалась совершенно излишней. Упырь ни разу не оглянулся. Очень скоро стало ясно, что направляется он в универсам, расположенный в трех кварталах от парка. Само собой, мы с Кузей, все еще держась на почтительном расстоянии от объекта, направились туда же. Возле самых дверей я притормозила, прикидывая, стоит ли входить в магазин или лучше дождаться Упыря здесь. В конце концов мы вошли и уперлись взглядом в красочно оформленное предупреждение на стене: «Вход в магазин с животными строго воспрещен». Кузя загрустил, а я пожала плечами.

– Сиди здесь, – сказала я. – Упыря ни в коем случае не выпускай. Если мы сегодня дело завалим, он станет осторожнее и взять его с поличным будет нелегко.

Кузя занял позицию возле двери, а я прошла в торговый зал, ненавязчиво оглядываясь. Упыря нигде не было видно. Делая вид, что очень интересуюсь соком, я не спеша продвигалась вдоль лотков, продолжая поглядывать по сторонам, и наконец заметила Упыря – он был в отделе мясной продукции. Так же, как и я, он огляделся и с виртуозностью фокусника, подхватив ветчину в упаковке, сунул ее в карман широких штанов.

– Очень хорошо, – удовлетворенно кивнула я и торопливо отошла в сторону, чтобы Клюквин, не дай бог, меня не заметил.

Я не спеша двигалась в сторону касс, время от времени наклоняясь, чтобы проверить, двигаются ли в том же направлении ноги, обутые в дырявые кроссовки с вызывающей надписью «Nike». Поначалу все шло нормально, они двигались как положено и вдруг исчезли. Я озадаченно замерла в нелепой позе, но поспешила выпрямиться, не хватало только, чтобы меня кто-нибудь застукал в таком виде. В конце прохода появилась женщина с девочкой-подростком, а я торопливо схватила какую-то банку и принялась вертеть ее в руках, изо всех сил изображая к ней повышенный интерес. Женщина приближалась, как будто вовсе не обращая на меня внимания, а я, вернув банку на полку, сделала пару шагов в сторону касс и плечом к плечу столкнулась с Упырем. Справедливости ради следует отметить, что он перепугался больше, чем я. Охнул и вроде бы даже побледнел, чужой страх придал мне бодрости, я широко улыбнулась и сказала:

– Привет, Упырек.

– Уже виделись, – кисло ответил он, торопливо завернул в соседний отдел, а я мысленно чертыхнулась: судя по всему, мой гениальный план сыграл в ящик. Застукав меня по соседству, Упырь насторожится, вернет копченость на место, а я останусь с носом. Любой другой человек на моем месте, почертыхавшись вволю, отправился бы восвояси, ожидая, когда в его голове созреет очередной гениальный план, но я, постояв столбом не больше трех минут, удостоилась озарения и на цыпочках легкими перебежками устремилась в отдел, где только что исчез Упырь. Там его не оказалось, и, вызывая недоумение у редких покупателей, я тем же манером продвинулась к кассам и вот тут увидела Клюквина. Он шел к турникету с намерением покинуть магазин. В три прыжка я оказалась рядом и ухватила его за плечо; Кузя, через стекло приметив мой маневр, тут же возник в досягаемой близости и, сев копилкой, продемонстрировал зубы своему бывшему мучителю. Хотя я и считала Кузю добрейшим в мире созданием, но сейчас была вынуждена признать, что выглядит он впечатляюще. Наверное, то же самое подумал Упырь, потому что вместо того, чтобы сбросить с плеча мою руку, он хмуро спросил:

– Ты чего, спятила?

– По-моему, ты кое-что прихватил, – как можно ласковее сообщила я. – Кое-что, что тебе не принадлежит.

– Очень умная, да? – заявил он презрительно. – Может, еще что скажешь?

– В милиции разберемся.

Стоило мне сказать о милиции, как она не замедлила явиться в лице нашего нового участкового Андрюхи Коломейцева. Он вошел в магазин, посмотрел по сторонам и, заметив нас, направился в сторону турникета.

– У тебя минута, не больше, – прошипела я на ухо Упырю.

– Испугала… пустышку тянешь…

– Еще чего. Мы с тобой случайно столкнулись возле банок с соком, а после этого у меня пропал кошелек. Тетка с клетчатой сумкой пойдет свидетелем, налетел ты на меня очень подозрительно, а теперь отгадай, где мой кошелек?

– Чего? – не понял Упырь, а я дурашливо пропела, безбожно шепелявя:

– Коселек, коселек… Какой коселек? Ты телик смотришь?

Рука его потянулась к карману, но я ее перехватила, а Кузя злобно зарычал.

– Это нечестно, – пробормотал Упырь, испуганно прикидывая расстояние, отделяющее от него участкового.

– А втроем бить четырнадцатилетнего мальчишку честно? – разозлилась я.

– Чего ты хочешь? – В этот момент участковый как раз оказался рядышком, я отпустила руку Упыря и сказала ласково:

– Верни фотографию.

– Какую? – начал он, но, взглянув на Андрюху, загрустил, валять дурака ему расхотелось, и он сообщил со вздохом: – У меня ее нет…

– Да неужто? – не поверила я, улыбаясь еще ласковее. – А куда она делась, ты, случаем, не помнишь?

Упырь посмотрел на нас по очереди, задержав взгляд на Кузе, которому, судя по всему, просто не терпелось цапнуть своего врага, и вздохнул вторично:

– Она у Зюзи.

– Здорово. А зачем она Зюзе? Он что, фотографии коллекционирует?

Участковый, в продолжение нашего разговора не проронив ни слова, стоял рядом и, как видно, пытался понять, что происходит. С Упыря он глаз не спускал и выглядел достаточно решительно.

– Так что там Зюзя? – напомнила я.

– Он на ней номер записал.

– Какой номер? – Я здорово разозлилась и скрывать этого не собиралась.

– Номер машины. – Упырь окончательно сник, смотрел себе под ноги и говорил так тихо, что приходилось здорово напрягать слух, чтобы понять, чего он там бормочет.

– Объясняй как следует, – вконец рассвирепела я, Кузя тявкнул, а участковый простер к нам руку с непонятным намерением; Упырь расценил этот жест по-своему и заговорил торопливее, а главное, громче:

– Мы в парке сидели, как всегда, а тут Зюзя подошел… Мы сидим, и вдруг тачка от старой проходной подъехала, а Зюзя шею вытянул и стал вроде как не в себе, а потом говорит: «Дай карандаш и бумагу». Карандаш у нас был, мы на столе очки пишем, а бумаги нет. И я фотку отдал. Он на ней номер записал и взял ее с собой.

– Чего ты вкручиваешь? – пристыдила я, а Упырь обиделся:

– Ничего не вкручиваю, говорю как есть.

– А где Зюзя живет? – немного поразмышляв, спросила я.

Упырь закатил глазки, вздохнул, покачал головой и опять вздохнул; проделав все это и сообразив, что сия пантомима не произвела на меня ровным счетом никакого впечатления, загрустил и сказал с неохотой:

– Откуда мне знать? Я чего с ним, детей крещу?

– Детей вам только псих доверит, – в свою очередь, вздохнула я и, свистнув Кузе, пошла к выходу.

Андрюха, немного постояв столбом, очнулся и устремился за мной, а Упырь крикнул:

– А кошелек?

– Ты что, спятил? – обиделась я. – Я ж не Жеглов.

– Ну, Дарья… – Клюквин хотел что-то еще сказать, но передумал и ломанулся к стеклянным дверям, сметая все на своем пути; по счастью, ничего, кроме этих самых стеклянных дверей, ему не препятствовало покинуть магазин, и вскоре он уже исчез за углом, а участковый, оказавшись на улице, неожиданно обрел дар речи.

– Кто такой Зюзя? – спросил он.

– Откуда я знаю.

– Дарья Сергеевна! – Голос его звучал строго, а выражение лица точь-в-точь как у нашей учительницы на лабораторной работе по химии, когда она, вышагивая между партами, бдительно следила за реактивами в детских руках, в любой момент готовая залечь на пол.

– Отвяжись, – буркнула я, Андрюха покраснел, а я со злостью добавила: – Чего ты заладил: Дарья Сергеевна, Дарья Сергеевна. Ты ж до пятого класса со мной в одном дворе рос. Или не помнишь?

– Помню, – широко улыбнулся Андрюха. – Ты мне еще по носу дала. Бабушка к твоей маме жаловаться ходила…

– Так ты велик зажал. Не давал прокатиться…

– Ага.

– Ладно, пошли, – махнула я рукой, не удержалась и съязвила: – Черт-те что творится на твоей территории.

– А чего творится-то? – испугался он.

– Ты что, не слышал? Фотографию забрал какой-то Зюзя. И как я ее верну, скажи на милость?

– Так чего ж мы Клюквина отпустили? Надо было его допросить.

– Скажет он тебе, как же… а может, и в самом деле не знает. А вот ты знать обязан. Петрович всю шпану как свои пять пальцев знал…

– Я второй день и…

– А как ты в магазине оказался? – остановилась я, Андрюха тоже замер и неохотно пояснил:

– Я… за тобой приглядывал.

– Что? – Глаза у меня полезли из орбит, а Кузя жалобно заскулил, качая головой.

– Я в смысле помощи, – затараторил Андрюха. – Мало ли что…

– Очень много от тебя толку, – заметила я презрительно и, кивнув на прощание, зашагала к дому.

Во дворе в беседке, с одной стороны обвитой хмелем, сидел Сенька в компании Петьки и вечно чумазого Чугунка. Все трое грызли семечки с таким унылым видом, точно с минуты на минуту ожидали конца света.

– Ты ужинал? – подойдя ближе, спросила я племянника.

– Ага. Спасибо.

– Пожалуйста.

Я села на скамейку и покосилась на Чугунка.

– С новым участковым говорила? – бросив горсть семечек голубям, спросил он.

– Поговорю. Пока случай не представился.

– Как он вообще?

– Нормально, в нашем дворе рос до пятого класса. Можно сказать – свой человек… А ты, случаем, Зюзю не знаешь?

– Зюзю? – Чугунок несказанно удивился и даже вытянул шею на невероятную длину, чтобы иметь возможность заглянуть мне в глаза.

– Ты ж слышал.

– Слышал. Зачем он тебе?

– Знаешь или нет?

– Зюзя не из наших, он крутой.

– Да неужто? – презрительно кривя губы, осведомилась я. – Чего ж это твой крутой с Упырем дружит?

– Упырь врет, цену себе набивает.

– Ясно. И чем твой Зюзя знаменит?

– А ты не вредничай, а то я с тобой разговаривать не буду. Про Шмеля слышала?

– Ну…

– Его парень. Соображаешь?

– Не очень, – созналась я. – А где живет этот Зюзя?

– Не знаю, – покачал головой Чугунок. – Где-то недалеко. Я его часто встречаю. Хотя, может, он здесь по делам бродит. Это ведь их район.

– В каком смысле? – нахмурилась я.

– Ох, Дарья, – тяжко вздохнул Чугунок. – На тебя как накатит, так ты точно моя мамка: ну дура дурой.

– Вот сейчас влеплю затрещину, – рассвирепела я, но Чугунок уже спрыгнул с лавки и, присев на корточки рядом с Кузей, стал его наглаживать.

– Может, мне с ним пожить? – вдруг сказал он.

– Где? – обалдела я.

– В конуре. Она у него просторная, места хватит.

– Спятил совсем, – фыркнула я и зашагала к подъезду.

Мое кухонное окно выходит во двор. Делая вид, что в кухне у меня накопились неотложные дела, я то и дело поглядывала туда, наблюдая за беседкой. Где-то через час Сенька кивком попрощался с друзьями и направился в сторону гаражей, я метнулась к окну и гаркнула:

– Сенька! – Он весьма неохотно приблизился. – Куда это ты собрался? – сурово поинтересовалась я.

– Прогуляюсь.

– С таким украшением на физиономии лучше во дворе сидеть.

– Да я недалеко…

– В парк, что ли? – Он, по обыкновению, стал разглядывать свои кроссовки, а я со вздохом сообщила: – Нет у него фотографии. – Головы он не поднял. – Честно, нет. Какой-то его знакомый на ней номер машины записал и унес с собой.

– Зюзя?

– Что? – опешила я.

– Фотографию Зюзя унес?

– Нет. Не знаю…

– А сама всегда говоришь, что врать нехорошо.

– Ну-ка быстро домой! – рявкнула я, теряя терпение. Сенька повиновался, устроился за столом на кухне и даже выпил чаю. Вид он имел отрешенный, и меня это здорово беспокоило. – Слушай, – не выдержала я, – этот Зюзя наверняка ее уже выбросил. А твоя девушка вполне может сфотографироваться еще раз.

– Конечно, – согласился Сенька с таким видом, что я сердито швырнула в мойку чашку и удалилась с кухни, хлопнув дверью.

Спала я в ту ночь плохо, а лишь только начался рассвет, выпила кофе и, покинув квартиру, побрела в сторону стадиона «Строитель», где в ветхой пятиэтажке проживал Петрович. Возле его дома я начала мучиться угрызениями совести: в такое раннее время к людям не заглядывают, тем более что Петрович теперь и не участковый вовсе, а заслуженный пенсионер. Чертыхнувшись, я прошла к открытым воротам стадиона и замерла в некотором недоумении. Насколько мне было известно, увлечение Петровича спортом сводилось к регулярному просмотру футбольных матчей по телевидению, но сейчас он собственной персоной суетился возле песка для прыжков в длину и что-то там замерял. Моргнув раза три и даже тряхнув головой с намерением избавиться от галлюцинаций и ничего этим не достигнув, я приблизилась, устроилась на травке чуть в сторонке и спросила, глядя на часы:

– Рановато для занятий физкультурой.

– Не спится, – бодро отозвался бывший участковый. – Да и неловко как-то, еще смеяться начнут… А ты чего в такую рань?

– Петрович, ты Зюзю знаешь?

– Зачем он тебе?

– И что ты за человек? – возмутилась я. – Никогда не ответит: да, мол, знаю или нет, не знаю, сразу вопросы задавать.

– Ну, знаю я Зюзю. Совершенно непутевый парень. Наркоман. Что с такого возьмешь? Родители у него хорошие люди, отец начальником мастерских на заводе работал, пытались его лечить, без толку. Купили ему «малосемейку» и рукой махнули. А что с таким сделаешь?

– А живет на что?

– На что они живут? Правда, ни на чем таком он ни разу не попадался.

– А какие у него отношения со Шмелем?

– Со Шмелем? – Бывший участковый отряхнул спортивный костюм. – Какие у них могут быть отношения? Валентин Владимирович у нас фигура, а Зюзя что? Тьфу… Наркоша, одним словом. Так зачем он тебе сдался?

– Так, интересуюсь. А где живет этот Зюзя?

– В «малосемейке», за универсамом. Номер квартиры не помню, первый этаж, последняя дверь по коридору, окна во двор. Навестить хочешь? Может, все-таки сообщишь, с какой целью?

– Сообщу, если в гости соберусь, – пообещала я и, сделав три обычных круга по стадиону, отправилась домой, а затем на работу.

Ближе к двенадцати я собралась домой, чтобы накормить Сеньку обедом и проверить, чем он занят. Путь мой лежал мимо универсама, и я вроде бы между прочим свернула во двор, где находилась «малосемейка», в которой жил Зюзя. Могу поклясться, что никакой цели у меня не было, возможно, чуть-чуть любопытства, но серое девятиэтажное здание выглядело так уныло, что любопытство разом испарилось. Скорее из упрямства я немного постояла возле детской песочницы, пялясь на первый этаж и прикидывая, какую угловую квартиру Петрович имел в виду. Мимо проходила старушка с большой хозяйственной сумкой, полминуты назад она вышла из подъезда «малосемейки», и я совсем было собралась обратиться к ней с вопросом, но вовремя вспомнила, что ни имени, ни фамилии Зюзи я не знаю, а спрашивать: «Вы не скажете, в какой квартире живет Зюзя?» – сочла неуместным. Между тем женщина посмотрела на меня как-то чересчур пристально и вдруг спросила:

– Кого-нибудь ищете?

Грех было не воспользоваться предлогом что-либо разузнать, и я затараторила:

– Не скажете, в угловой квартире на первом этаже кто живет?

– Я живу, – насторожилась она, взгляд ее стал не просто пристальным, он прожигал насквозь. Тут я обратила внимание на внешность женщины, то есть заметила не только хозяйственную сумку и благородную седину, но и кое-что еще. Этого «еще» было более чем

достаточно, чтобы спешно ретироваться со двора и навеки забыть сюда дорогу, ибо бабуля походила на нечто среднее между бультерьером и сержантом срочной службы.

В общем, надо было либо бежать сломя голову, либо внятно, а главное, правдоподобно объяснить свое присутствие во дворе, чтобы не оказаться разорванной на части.

– Сестра встречается с молодым человеком, – надеясь, что мои глаза являются в настоящий момент зеркалом честнейшей в мире души, начала я. – Знаю, что живет он здесь, на первом этаже в угловой квартире. Их дружба мне не очень нравится, я хотела бы встретиться с его родителями…

– Нет у него никаких родителей, – порадовала меня женщина, как видно, не в силах дождаться конца моей тирады, и ткнула пальцем в правый угол дома. – Не знаю, что у вас за сестра. – В этом месте старушка-фельдфебель окинула меня взглядом, здорово напоминающим рентген, но, как будто не обнаружив в моем анатомическом строении никаких отклонений от нормы, заметно смягчилась и добавила совершенно другим голосом: – Парень он совсем пропащий. – Голос понизился до шепота. – Наркоман. Об этом вся улица знает, а участковому наплевать. Сто раз ему говорила: убери его отсюда… – Старушка махнула рукой и закончила совершенно неожиданно: – В милиции одни жулики. – Рванула с места, бросив через плечо: – Спасайте сестру.

Я тряхнула головой, пытаясь прийти в себя, и сделала несколько шагов в сторону окон Зюзиной квартиры. Надо сказать, что прямо напротив них, ближе к забору, метрах в пяти от тротуара произрастали кусты акации. И тут я вдруг уловила движение в кустах, а затем приметила мелькнувшую между веток футболку, белую с синими полосами. Точно такая или очень похожая имелась в гардеробе племянника, поэтому, ускорив шаги, я раздвинула ветки и увидела Сеньку в компании Чугунка. Чугунок попытался спрятать сигарету, а Сенька сделал страшные глаза и чересчур испуганно пролепетал:

– Только маме не говори.

Я ухватила племянничка за уши и максимально приблизила его лицо к своему, после чего, мрачно усмехаясь, могла констатировать: табаком от него не пахнет. Дураком парень не был и заметно скис. Я обратила свой взор на Чугунка, который торопливо прятал окурок в карман, и сказала ядовито:

– Ты на всю жизнь останешься коротышкой. А еще хотел в баскетбол играть.

– Я не курю, – заявил он и вздохнул, а я злорадно улыбнулась.

– Конечно, именно это я сейчас и видела: ты не курил.

– Ну чего ты, Дарья, – загнусил Сенька, делая Чугунку какие-то тайные знаки.

– Ничего, – отрезала я сурово. – Марш домой.

Мы покинули кусты и направились в сторону нашего двора, мальчишки как воды в рот набрали и вообще выглядели пришибленными. Я тоже к продолжению диалога не стремилась, меня одолевали мрачные мысли, потому что Сеньке совершенно нечего было делать в кустах. И если он там все-таки оказался, причина была той же, что и у меня: он хотел взглянуть на дом, где живет Зюзя. Оперативность, с которой он узнал его адрес, внушала уважение. Спрашивается: зачем Сеньке адрес? Ответ напрашивался сам: мой племянник не оставил мысли вернуть фотографию, а если так, зная характер членов нашей семьи, можно смело предположить, что неприятности на этом не кончатся. Точнее, настоящие неприятности только-только начинаются. Одно дело дворовая шпана во главе с Упырем, и совсем другое – какой-то наркоман, да еще, по непроверенным данным, имеющий отношение к господину Шмелеву, который славился в нашем районе не только большими возможностями, но и крутым нравом. В общем, было от чего впасть в отчаяние, потому, подходя к родному подъезду, я уже мысленно набросала текст телеграммы, которую пошлю сестре, а вслед за телеграммой и племянника, причем ближайшим рейсом.

Возле дверей квартиры мы малость замешкались, Чугунок нырнул мне под руку, когда я отпирала замок, я хотела было его шугнуть, но вовремя вспомнила, что он скорее всего голодный, и буркнула:

– Входите.

Мы вошли, разместились в кухне и даже пообедали в молчании, которое сильно смахивало на гробовое. Чугунок уписывал обед за обе щеки и старательно прятал от меня глаза, а я не выдержала и спросила:

– Про Зюзю ты Сеньке рассказал? – Мальчишка возмущенно затряс головой и при этом так выпучил глаза, что я за них начала беспокоиться: как бы не лопнули, но вдруг он сник, шмыгнул носом и кивнул обреченно. – А сам от кого узнал?

– Ты ж сама про Зюзю спрашивала. Догадаться нетрудно. А еще я слышал, как Упырь с пацанами болтал, Зюзя этот так разволновался, когда тачку увидел, аж руки затряслись. Соображаешь?

– Соображаю. У Зюзи руки дрожат совершенно по другой причине. Ну и что ты собираешься делать? – накинулась я на Сеньку, тот тоже вытаращил глаза и ответил торопливо:

– Ничего.

– Правильно, – согласилась я, – потому что я тебя к родителям отправляю.

– Дарья! – Голос его сорвался, а на глазах появились слезы, такого я даже не ожидала и растерялась, а Чугунок, косясь на Сеньку, пробормотал жалобно:

– За что?

– За то, что у Зюзиного дома околачивался.

– Я только хотел подойти и спросить про фотографию. Она ведь ему не нужна, номер машины можно переписать на бумажку…

– Если фотография ему не нужна, он ее давно выбросил.

– Ага, – кивнул Сенька.

– Что «ага»? – рявкнула я.

– Выбросил и выбросил, – племянник пожал плечами, а я мысленно чертыхнулась. – Не отправляй меня, ладно? – жалобно попросил Сенька, а я опять рявкнула:

– Марш в свою комнату, и чтоб носа оттуда не показывал. А ты вымойся наконец, – накинулась я на несчастного Чугунка, который при этих словах заметно побледнел. – Сенька, найди ему какую-нибудь подходящую одежду.

Оба мгновенно покинули кухню и растворились в полумраке коридора, а я принялась мыть посуду, опять же мысленно ругаясь на чем свет стоит. Мало мне Упыря, теперь только и следи за тем, чтоб Сенька не попал в историю. Надо брать отпуск и увозить его куда-нибудь. Например, в Анапу. Мне давно следует отдохнуть, Анапа самое подходящее место. Только-только я почти согласилась с тем, что мысль эта настолько удачная, что решает все мои проблемы, как другая гениальная идея угнездилась в моем мозгу. А ведь Сенька не так уж и не прав, почему бы не подойти к этому Зюзе, не объяснить, в чем дело, и не попросить вернуть фотографию, если она все еще находится у него. Простота решения произвела на меня магическое действие, я заулыбалась и, вытерев руки, свистнула в окно Кузе. Послушала под дверью Сенькиной комнаты, убедилась, что мальчишки смотрят телевизор, и на цыпочках покинула квартиру.

Кузя ждал меня возле подъезда.

– Дело есть, – сообщила я, и мы направились к Зюзиной «малосемейке».

Дверь балкона в его квартире была распахнута настежь, а так как жил Зюзя на первом этаже, это обстоятельство позволяло надеяться, что хозяин дома. Я посмотрела на Кузю, пытаясь решить: стоит ли взять его с собой или ему лучше ждать возле подъезда. Кузя сам решил эту проблему, наотрез отказавшись остаться один.

– Идем, – кивнула я, подумав при этом, что, когда имеешь дело с наркоманом, некоторые меры предосторожности не помешают.

Мы подошли к двери с цифрой 15, и я нажала кнопку звонка. Ничего не произошло. Потоптавшись на месте и переглянувшись с Кузей, я попробовала еще раз. Открытая балконная дверь придала мне настойчивости, и я, нажав кнопку звонка, не отпускала ее с полминуты. Затем услышала осторожные шаги, кто-то, вне всякого сомнения, подкрался к двери с той стороны и сейчас разглядывал меня в «глазок». В длинном узком коридоре царил полумрак, лампочки отсутствовали, а коридорное окно в нескольких шагах от меня было заколочено фанерой. Лучи солнца робко пробивались сквозь многочисленные дыры в ней, и этого света как раз хватало на то, чтобы не свернуть шею, проходя по коридору. Видит ли меня хозяин квартиры, я с уверенностью сказать не могла и потому громко попросила:

– Откройте, пожалуйста.

Прошло еще полминуты, прежде чем щелкнул замок, дверь чуть приоткрылась, и в тусклом свете лампы, горевшей в прихожей, я увидела бледное и вроде бы заплаканное лицо, по крайней мере физиономия была мокрой, а глаза красными. Парень шмыгнул носом, чихнул и, глядя на меня в крайнем недоумении, спросил:

– Ты откуда?

– С улицы, – ответила я, теряясь в догадках, что имел в виду парень. Он открыл дверь пошире, увидел Кузю, скромно сидящего рядом со мной, и вроде бы растерялся.

– А это кто?

– Кузя, – охотно сообщила я и сочла нужным добавить: – Он не кусается.

– А-а… – Парень вздохнул и сказал: – Ну ладно. – Он хотел было закрыть дверь, но я этому воспрепятствовала, сунула ногу в щель и, глядя на хозяина квартиры со счастливой улыбкой, порадовала его:

– Мне надо с вами поговорить.

Судя по всему, он здорово удивился, посмотрел на меня, потом на Кузю, дважды чихнул и опять сказал:

– Ага.

– У меня есть племянник, – понадеявшись на то, что парень понимает по крайней мере одно слово из пяти, начала я объяснять. – Упырь, так прозвали одного парня, что живет по соседству, отобрал у него фотографию любимой девушки, потом оказалось, что он отдал фотографию вам для того, чтобы вы записали на ней номер какой-то машины. – На сей раз он не чихал, а очень громко икнул.

– Какой машины? – спросил он испуганно.

– Откуда мне знать? – удивилась я. – Мне это совершенно безразлично. Я хотела бы получить фотографию, если она все еще у вас.

– Никакой фотографии у меня нет. – Парень аж затрясся, должно быть, от возмущения, и попытался захлопнуть дверь, но я вновь этому воспрепятствовала.

– Скажите на милость, зачем вам фотография? – хмуро поинтересовалась я. – А вот моему племяннику она очень дорога. Я вас прошу ее вернуть.

– Нет ее у меня… – Он чихнул, моргнул и икнул одновременно, а я разозлилась.

– А куда вы ее дели?

– Никуда. – Он отшатнулся от двери и взвизгнул: – Нет у меня никакой фотографии, не видел я никакой машины и ничего не записывал. Зачем мне какая-то машина? – Он страшно разволновался, отступил в глубь прихожей, и это ввело меня в заблуждение. Решив, что разговор лучше продолжить в квартире, я для начала извлекла свою ногу из щели и… тут же получила дверью по лбу. Парень, воспользовавшись моей нерасторопностью, ее захлопнул и больше не подавал признаков жизни. Я минут десять названивала, стучала и даже взывала

к нему, а Кузя тявкал, но пользы от его тявканья было столько же, сколько и от моих звонков, парень упорно не желал общаться.

Пнув дверь ногой в крайней досаде, я кивнула Кузе и отправилась восвояси, мы достигли середины коридора, когда в нем появился молодой мужчина в кожаном пиджаке ярко-синего цвета. Он посмотрел на нас, мы на него, и он вроде бы улыбнулся. Я хотела принять улыбку на свой счет, но тут мы как раз с ним поравнялись, и радоваться я себе отсоветовала. Улыбаться парень умел, когда хотел, а вот глаза… Конечно, глаза его ничем особенным не отличались от нормальных человеческих глаз, но их выражение рождало в душе оторопь. К счастью, взгляды наши пересеклись лишь на секунду и я не окаменела с гримасой величайшего ужаса на лице, а благополучно свернула к лифтам, а потом, поддавшись искушению, осторожно выглянула: ярко-синий пиджак звонил в дверь Зюзи. Дверь открылась, Зюзя сказал:

– Это ты. – И голос его звенел от счастья.

– Я, – ответил парень, дверь хлопнула, а мы с Кузей переглянулись, после чего покинули подъезд. Но вместо того чтобы вернуться к себе домой и попытаться придумать другой план, я неожиданно для себя, а уж тем более для собаки, исчезла в кустах акации, в которых не так давно застукала Сеньку с Чугунком, и, устроившись там на деревянном ящике, сказала опешившему Кузе:

– Давай немного подождем. – И добавила с неохотой: – Не нравится мне этот тип в кожаном пиджаке.

Кузе он, видно, тоже не понравился, пес кивнул и устроился рядом со мной. Глядя на открытый балкон, я пыталась понять, что, собственно, делаю в кустах. То, что у встретившегося мне парня взгляд наемного убийцы из комиксов, не повод вести себя так по-дурацки. Я хотела еще раз поговорить с Зюзей, точнее, попробовать. Состояние его на момент нашей первой встречи прозрачно намекало на то, что парню было худо и потому, конечно, ему не до разговоров. Синий пиджак он встретил с откровенным восторгом, и это тоже кое о чем говорило, если помнить о том, что Зюзя наркоман. После того как Синий покинет квартиру, есть шанс, что настроение Зюзи значительно улучшится и он не откажется побеседовать со мной и даже вернет фотографию.

Не успела я додумать эту мысль, как из подъезда показался Синий, свернул за угол, и вскоре оттуда на приличной скорости выскочил новенький «Опель» и пронесся мимо, но в его приоткрытом окне на долю секунды я вполне отчетливо увидела нечто ярко-синее. Я перевела взгляд на номер и торопливо написала его на земле за неимением более подходящего материала, отогнала от этого места Кузю, чтобы он ненароком не стер номер, одновременно удивляясь: на кой черт мне этот самый номер сдался? А еще через несколько минут, оставив Кузю в кустах для охраны номера, я отправилась в «малосемейку».

На этот раз звонила я минут пять, к двери никто не подходил. Несолоно хлебавши я вернулась в кусты акаций, рассказала заметно нервничавшему Кузе о своей неудаче и, подождав еще несколько минут, вновь отправилась к пятнадцатой квартире.

Следующие три часа мы с Кузей только и делали, что сидели в кустах да звонили в дверь. Само собой, и мне, и Кузе это быстро надоело, и мы стали прогуливаться возле дома, держа в поле зрения балкон и подъездную дверь. Зюзя не появлялся и на наши звонки не реагировал. Мы оголодали, измучились, мысль попытать счастья завтра появлялась у меня все чаще, но упрямство и скрытое беспокойство удерживали возле «малосемейки». Мимо проходил знакомый мальчишка, я выгребла из кармана всю мелочь и попросила его принести нам бутерброд, только благодаря ему мы с Кузей не скончались от голода.

Время шло, Зюзя точно умер, а моему терпению пришел конец. Взгляд остановился на открытой балконной двери, и точно черт толкнул меня под локоть. В общем, я подошла к балкону и, сама не знаю как, оказалась на нем, то есть взобраться на балкон для меня плевое

дело, тем более что это первый этаж, но вот зачем я забралась на этот самый балкон, я не смогла бы объяснить даже самой себе. Я стояла на балконе, нервно оглядываясь, каждую секунду ожидая, что кто-нибудь заорет «караул» и «грабят», но никто не только не заорал, но и попросту не обращал на меня внимания. Впрочем, обращать внимание было особенно некому: во дворе были только две собаки, одна из которых – мой друг Кузя, а вторая лежала у подъезда и в нашу сторону даже не смотрела.

Кузя, наблюдая за мной, неодобрительно тявкнул и даже отвернулся, так его возмущал тот факт, что я вторглась на чужую территорию. Я застыдилась и совсем было собралась перемахнуть назад, но опять, точно помимо своей воли, подошла к двери и заглянула в комнату. Маленькая комната была пуста, то есть совсем пусто в ней не было: облезлый стол с кучками мусора неясного происхождения, диван без задней спинки, видавший виды шифоньер, тумбочка с телевизором. Музыкальный центр на полу тянул примерно на триста баксов и выглядел здесь инородным телом, виднелось несколько стульев и два кресла, имевших такой вид, точно их нашли на помойке. На ковре, который когда-то был красивым и, наверное, дорогим, разбросаны диски и коробки к ним. Может, кое-что из обстановки я пропустила, но не это беспокоило меня в тот момент, комната была пуста в том смысле, что хозяин ее отсутствовал. Видимо, вконец лишившись разума от этого открытия, я шагнула в комнату и огляделась еще раз. Конечно, его здесь не было, более того, в квартире стояла такая тишина, что было очень трудно предположить, будто Зюзя находится в кухне или ванной, если, конечно, не допускать мысли о том, что он спит, только вот зачем человеку спать в кухне, если в комнате у него есть диван.

Я крикнула «Эй!» и прошла в кухню, которая тоже была пуста, заглянула в ванную и в конце концов замерла в прихожей в крайнем недоумении: Зюзи нигде не было. Квартирка крохотная, кухня метров шесть, совместный санузел и прихожая, противоположных стен которой я без труда могла коснуться, раскинув руки. Зюзе было совершенно некуда деться, а между тем дом он не покидал ни через дверь, ни через балкон, во время своих прогулок я постоянно держала их в поле зрения. Значит, Зюзя все-таки квартиру покинул, но оставался в доме, например, решил навестить соседей. Пока я размышляла над этим, со стороны балкона раздался подозрительный шум, я испуганно замерла, прислушиваясь: кто-то проник в комнату, стараясь двигаться осторожно, но задел за что-то и замер, подозреваю, в таком же испуге, как и я.

Тут мне в голову пришла вполне здравая мысль, что я нахожусь в чужой квартире, в которую вломилась без приглашения через балкон, и в Уголовном кодексе для таких случаев есть специальная статья, и хоть ни ее номера, ни параграфа я не знала, легче от этого мне не было. Я с замиранием сердца метнулась к входной двери, открыла английский замок и выпорхнула в коридор, но как только моя нога переступила порог, дыхание вернулось ко мне, а вместе с ним и любопытство, поэтому дверь я прикрыла неплотно и, прижавшись к стене, стала ждать, что последует далее.

Далее последовало вот что: человек, постояв немного и не заметив ничего опасного, начал двигаться, я слышала, как он прошел в кухню, заглянул в ванную, а затем выглянул в прихожую. Не знаю, кого я ожидала увидеть, припав к щели, но только не Сеньку, который с очень обеспокоенным выражением на физиономии оглядывался по сторонам. «Это что ж такое делается?» – пронеслось в моей голове, и я ворвалась в квартиру, начисто забыв о том, что она не моя и поднимать шум все же не стоит.

Когда дверь распахнулась, Сенька испуганно вскрикнул, но, увидев меня, неожиданно заулыбался и сказал со вздохом облегчения:

– Дарья…

– Что ты здесь делаешь? – зашипела я, наступая на племянника.

– Я за тебя беспокоился, – обиделся он и, нырнув к входной двери, прикрыл ее и добавил укоризненно: – Ну что ты шумишь?

– Ты влез в чужую квартиру, – напомнила я, задыхаясь от праведного гнева.

– Ты тоже, – вздохнул он, отводя взгляд.

– Я беспокоилась за этого типа, как его… о черт…

– А я беспокоился за тебя.

– Ты мог бы беспокоиться дома.

– Не мог, и кончай злиться, лучше давай здесь как следует все осмотрим, вдруг найдем фотографию?

– Что значит осмотрим? – возмутилась я, неожиданно обнаружив колоссальные пробелы в воспитании племянника, но, некстати вспомнив, где мы ведем этот диалог, поскучнела. – Несанкционированный обыск – это… – Я не успела договорить, в дверь позвонили. Мы с Сенькой разом подпрыгнули и замерли, выпучив глаза друг на друга.

Звонок повторился и теперь звучал гораздо настойчивее. Чувствовалось, тот, кто в настоящий момент стоял за дверью, твердо решил попасть в квартиру. Сенька вдруг ожил и стал делать мне знаки, размахивая руками, как ветряная мельница, с перепугу соображала я, хуже не бывает, но основную мысль все же уловила.

– Надо сматываться через балкон, – сделал Сенька вполне здравое предложение, я кивнула, предлагая ему двигать к балкону, а сама на цыпочках прокралась к входной двери (не иначе как все черти в тот день болтались по соседству и толкали под руку) и заглянула в «глазок». В тусклом свете, падающем от заколоченного окна, я увидела физиономию Андрюхи Коломейцева, нашего нового участкового, выглядела она строго, я бы даже сказала решительно, а я, не задумываясь, распахнула дверь и буркнула:

– Входи.

Если б на голову Андрюхи свалился мешок с песком, он бы не выглядел таким обалдевшим, шагнул в прихожую, шевеля губами, и только с третьей попытки произнес:

– Здрасьте…

– Здравствуй, – ответила я, закрывая за ним дверь. Сенька, который к тому моменту уже добрался до балкона, услышав, что я с кем-то разговариваю, незамедлительно вернулся и теперь стоял в дверях и глупо улыбался. Участковый заглянул в комнату и с некоторым недоумением спросил:

– А где Зюзин?

– Понятия не имею.

– А-а… – Он еще раз огляделся и сказал: – Что ж, я тогда попозже зайду. – И направился к двери. Сделав несколько шагов, он вроде бы очнулся и поинтересовался: – А вы что здесь делаете?

– Ищем Зюзю.

– А-а… Как ищете, то есть зачем?

– Я пришла узнать у него насчет фотографии. Он утверждал, что у него ее нет, а потом и вовсе пропал.

– Кто, Зюзя?

– Я тебе про кого рассказываю? Конечно, Зюзя. Я решила, это он вернулся, а это ты. – Тут я подумала, что гениальные идеи, посещавшие меня в тот день, сыграли с моим мозгом злую шутку: что-то в нем перепуталось, оттого я и несу всякую чушь: к примеру, зачем вернувшемуся Зюзе звонить в собственную дверь, если предполагается, что за ней никого нет? Это открытие меня смутило, я приняла покаянный вид и отвела взгляд от честного лица участкового. Не знаю, как у Андрюхи с гениальными мыслями, но соображал он в ту минуту еще хуже, чем я, потому что совершенно неожиданно предположил:

– Может, мне его тогда здесь подождать?

– Подожди, – пожала я плечами, нахмурилась, косясь на Сеньку, и спросила: – А ты чего стоишь как пень? Марш домой. – Сенька ломанулся к балконной двери, а я, всплеснув руками, вскрикнула: – Куда ты? Выйди по-человечески.

Племянничек развернулся на пятках и, старательно обходя участкового, пошел к двери. Ему оставалось не больше метра, когда он вдруг замер и произнес:

– Давай поищем?

– Что?

– Ну, фотографию.

Я задумалась, взглянула на участкового, прикидывая, будет ли обыск санкционированным, если проводится в присутствии участкового? Честно скажу, вся эта история с фотографией к тому моменту так мне надоела, что я решила махнуть рукой на все тонкости юриспруденции и в самом деле осмотреться. Я обвела взглядом комнату, и тут Андрюха полез с вопросами:

– А куда ушел этот Зюзя?

– Откуда мне знать?

– Давно?

– Понятия не имею.

Участковый вдруг забеспокоился:

– Как же так?

– Очень просто. Я пришла к нему, он меня отфутболил, потом к нему явился какой-то тип, а я караулила возле дома. Он из него не выходил, а когда я пришла опять, дверь не открыл. И я начала беспокоиться.

– И что? – спросил вконец растерявшийся участковый.

– Говорю, я начала беспокоиться. И решила проверить.

– Ага…. значит, дверь была открыта, а хозяина нет? – Андрюхины щеки слегка порозовели, так он обрадовался тому, что начал хоть что-то понимать. Я поджала губы, вздохнула, но соврать не решилась:

– Дверь была заперта. А Зюзи нет. Ты сам в этом можешь убедиться.

– А как же…

Я не стала ждать, когда он закончит, и молча ткнула пальцем в распахнутую балконную дверь. Мы немного постояли, тараща глаза: я на балкон, а Андрюха на мой палец, наконец участковый обрел дар речи и с легким заиканием осведомился:

– Вы проникли в квартиру через балкон?

– Я проникла, – строго поправила я, но тут Сенька все испортил:

– И я, – сказал он твердо. – Мы вместе. – И добавил с намеком на панику: – Потому что беспокоились за Зюзю.

Я представила лицо сестры, если до нее дойдет, что ее сын под моим руководством вломился в чужую квартиру, где и был задержан участковым, так сказать, на месте преступления, и у меня разом заныли все зубы.

– На кой черт ты сунулся в эту квартиру? – простонала я. – Как ты вообще здесь оказался? – Конечно, выяснять отношения сейчас было несколько неуместно, но ничего не поделаешь, такой уж у меня характер. Сенька об этом хорошо знал, потому и начал поспешно объяснять:

– Ты ушла, и я пошел за тобой, потому что ясно стало, что-то ты задумала. Чуяло мое сердце: к Зюзе направишься. Так и есть. А потом ты через балкон махнула, я подождал – тебя нет, и я испугался… а вдруг тебя схватили?

– Вдруг, вдруг, – прорычала я. – Если испугался, в милицию надо звонить, а не лезть через балкон. Что я твоим родителям говорить буду, скажи на милость?

Сенька загрустил, а участковый вновь ожил:

– Так Зюзи в квартире не было, когда вы через балкон влезли?

Я густо покраснела и кивнула.

– Только Сенька здесь ни при чем, так и запиши. Он за меня испугался и полез. Спасатель. Вот олух, а если б и вправду…

– Я с Кузей, – торопливо сказал он. Я шагнула к балкону, отдернула занавеску и в самом деле увидела Кузю, тот лежал зажмурившись и чутко водил ушами, в остальном не подавая никаких признаков жизни.

– С ума сойти, – не поверила я. – Как же он на балкон забрался?

– Я его подсадил.

– Слушайте, – возмутился Андрюха, – а хозяин-то где?

– Говорю, пропал, – разозлилась я. – Из дома он не выходил, а здесь его нет.

– Нет, – согласился участковый. – А где он?

– Должно быть, у соседей, где ж еще?

– Тогда, может, мы уйдем отсюда? – всполошился Андрюха. – А то он, чего доброго, застукав нас, милицию вызовет.

Мысль показалась мне довольно оригинальной, но спорить желания не возникло, я свистнула Кузе, и мы гуськом во главе с участковым зашагали к двери. Только я собралась вздохнуть с облегчением, что моя дурацкая выходка со вторжением в чужую квартиру благополучно закончилась, как Кузя вдруг громко залаял, поставив шерсть дыбом, и кинулся к шифоньеру.

– Ты что, спятил? – возмутилась я, но вместо того чтобы ухватить Кузю за ошейник и вывести вон, подошла к этому чертовому шифоньеру и повернула ключ. Зюзя сидел в шифоньере. Поначалу я даже обрадовалась, потому что не люблю загадок. А тут все просто, никуда Зюзя не уходил, а взял да и спрятался от нас. Но на смену одной загадке сразу же пришла другая: как он смог сам себя запереть в шифоньере? Я не люблю понапрасну ломать голову, потому, ухватив Зюзю за рубашку, сказала сурово: – Вылазь.

И тут он такое выкинул… то есть он взял да и вывалился, а мы, сгрудившись возле него, дружно взвыли, потому что стало ясно: запереться в шифоньере Зюзя не мог. Он вообще ничего не мог, потому что… вот здесь начиналось самое жуткое: как ни крути, а слово это произнести придется: Зюзя был трупом. Самым настоящим, причем не нужен патологоанатом, чтобы сообразить, что парня задушили: глаза неестественно выпучены, язык вывалился, а шею обвивает тонкий шнур.

– Святые угодники, – пролепетала я.

За моей спиной что-то грохнуло, а Кузя заскулил. Я торопливо обернулась, ожидая самого худшего, и, как говорится, чего ожидала, то и получила: Кузя тряс головой, точно надеялся избавиться от наваждения, а у его лап лежали Сенька и Андрюха, лица у обоих были белее мела, а глаза закрыты.

– Да что ж это такое? – пролепетала я, кидаясь к племяннику – участковый мог и подождать. Я немного потрясла Сеньку и даже похлопала по щекам, он открыл один глаз, посмотрел мутно и спросил:

– Дарья, его убили?

– Ну, не совсем, – разволновалась я, боясь неосторожным словом нанести урон психике ребенка. – Если честно, я и сама не знаю. Если он сидит в шифоньере, вовсе не обязательно, что его убили.

Сенька приподнялся, глядя в потолок, и сказал звенящим голосом:

– Ты меня успокаиваешь?

– Даже не думала. И вообще, кончай болтать ерунду, у меня еще участковый не очнулся. Бери Кузю и марш из квартиры. Звони в милицию, и чтоб я вас больше не видела. Тебя здесь не было, ясно? Иначе твоя мать… О господи, только не это… – При мысли о сестре весь мой

организм забил тревогу, подталкивая Сеньку с Кузей к выходу, я в конце концов выпроводила их из квартиры, напомнила о милиции и вернулась к участковому.

Выглядел он так паршиво, что я перепугалась: а что, если у парня разрыв сердца? Я потрясла его, как минуту назад племянника, хотела залепить пощечину, но не рискнула, как-никак представитель власти, огляделась, подняла с пола фуражку и, не придумав ничего лучшего, водрузила ее на голову Андрюхе. Странное дело, но он тут же очнулся.

– Труп, – пролепетал он белыми губами. – Где труп?

– Не беспокойся, – ласково начала я. – С ним все в порядке, вот он. – И в доказательство ткнула пальцем в Зюзю, который действительно лежал рядом с Андрюхой и никуда исчезать не собирался. Участковый скосил глазки и тюкнулся головой об пол, в общем, все мои труды пошли насмарку. Я сбегала на кухню, принесла воды и немного побрызгала ему в лицо, он вторично ожил и, стараясь не смотреть на труп, приподнялся, а затем с моей помощью устроился на диване, зажмурился и вдруг брякнул:

– Святые угодники. – А я замерла по стойке «смирно» от неожиданности: то есть лично я святых угодников поминаю довольно часто, но чтоб участковый… Далее Андрюха повел себя еще более неожиданно: сдвинул на затылок фуражку, истово перекрестился, и все это с закрытыми глазами. Сообразив, что покойник – зрелище для него физически непереносимое, я стащила с кресла старенькое покрывало и прикрыла им скрючившегося Зюзю; если честно, дышать сразу же стало легче, потому что покойники мне и самой не нравятся, особенно такие, как Зюзя, с вытаращенными глазами и открытым ртом… тьфу ты, черт.

– Можешь открыть глаза, – возвестила я. – Его уже не видно.

Андрюха перестал жмуриться, но, взглянув на пол, слабо дернулся и что-то шепнул, я не расслышала, но видела, как шевельнулись губы. Может, он надеялся, что Зюзя испарился, но этого я ему не обещала, так что нечего прикидываться разочарованным.

– Я плохо себя чувствую с утра, – вдруг заявил Андрюха.

– А я себя чувствовала хорошо, – вздохнула я. – Пока вот его не нашла.

– Его убили, – то ли спросил, то ли констатировал факт участковый.

– Конечно, чего б ему тогда так глаза таращить.

– Удушили?

– Наверное, если у него до сих пор шнурок на шее.

– А кто его удушил?

– Это не я. – Вышло испуганно, да я и в самом деле изрядно паниковала.

– Ясно, что не ты, а кто тогда?

Я в ответ предложила со вздохом:

– Давай я тебе воды принесу? – Пока я ходила в кухню и искала чашку, в которую можно было бы налить воды, входная дверь распахнулась и в квартире возник Кузя, а вслед за ним и племянничек. – Исчезни, – рявкнула я. – Сказано: чтоб ноги твоей не было и его лап… мало мне беспокойства на глупую голову…

– Приехали! – проорал Сенька, видно, сомневаясь, что со слухом у меня на данный момент все в порядке.

– Кто приехал? – растерялась я.

– Менты…

– Ну… хорошо… Слушай, что за выражение? Совсем распустились… Распустил молодежь на вверенном тебе участке, Андрей Петрович, – накинулась я на беззащитного Андрюху, который в этот момент тщетно пытался привести себя в чувство, чтобы достойно встретить товарищей из органов. Не успела я помянуть их всуе, как они и возникли. Впереди шел высокий светловолосый парень, в джинсах и серой ветровке «Адидас», за ним еще двое. Прибывшие недовольно оглянулись, а высокий поморщился:

– Все, что могли, уже затоптали. – Тут взгляд его остановился на Зюзе под покрывалом, и он без любопытства спросил: – Жмурик?

– Зюзя, – ответила я, стоя с чашкой в руках на пороге комнаты.

– Кто его нашел?

– Мы, то есть я, Андрюха, Сенька и Кузя.

– А кто у нас Кузя? – приглядываясь ко мне внимательнее, поинтересовался парень в «Адидасе».

– Кузя – это он. – Я испуганно ткнула пальцем в собаку, пес почему-то тоже испугался и заскулил.

– А я Сенька, – сообщил племянничек, ухватив Кузю за ошейник.

– Понятно, – разулыбался высокий, посмотрел на нашего участкового и добавил: – А ты, значит, Андрюха?

– Так точно, – подскочил друг детства, поправил фуражку, одернул китель и даже к козырьку приложился. – Коломейцев, участковый.

– Новенький, что ли? – разглядывая его, спросил «Адидас». – А Петрович уже на пенсии?

– Ага, – заулыбался Андрюха.

– Вот так, а обещал бутылку поставить. Совсем без понятия стали люди.

Пока «Адидас» болтал с нами, двое его спутников разглядывали Зюзю, пристроившись рядом с ним на корточках.

– Часа два, два с половиной, – сказал тот, кто постарше, посмотрел на Сеньку и добавил: – Иди, пацан, погуляй возле дома, понадобишься – позовем.

Сенька с Кузей ушли, а я все еще стояла с чашкой и таращила глаза. Окончательно оправившийся Андрюха вдруг шагнул к высокому и сказал строго:

– Разрешите ваши документы? – Кашлянул и попросил: – Пожалуйста.

– Да ради бога, – ответил высокий, сунул ему под нос удостоверение и возвестил: – Родионов Александр Сергеевич, можно без отчества, я не гордый.

– Очень приятно, – сочла необходимым сообщить я.

– Ну что, рассказывайте, – вздохнул Родионов. – Как дошли до такой жизни?

– В каком смысле? – испугался Андрюха.

– В смысле как убиенного нашли?

– А-а… Ну… пришли, а собака залаяла – и к шифоньеру. Дарья открыла, а там… Сами видите.

– Дарья – это вы? – обратился ко мне Родионов и засверкал всеми зубами, впрочем, не так уж их и много у него осталось.

– Я. Агафонова Дарья Сергеевна. Документов при мне нет, но если надо…

– Не надо… Вот что, Андрей, – вновь повернулся он к участковому, – ты давай поподробней, зачем пришли, как вошли и так далее…

– Пришли по воспитательной части, он у мальчишки фотографию отобрал, да и вообще… неблагополучный, состоял на учете в наркодиспансере, были сведения, что наркотой приторговывал, не то чтобы очень, но… соседи жаловались на пьянки-гулянки. Вот мы и пришли.

– А Дарья Сергеевна как представитель общественности?

– Ее в нашем районе все знают, – почему-то обиделся Андрюха. – И в работе с молодежью она оказывает большую помощь, как директор спортивной школы…

– Стоп, – перебил Родионов, разворачиваясь ко мне. – Это вы маньяка поймали? – Я тяжко вздохнула, кивком выразив свое согласие. – Ясно. Пришли, что дальше?

– Дальше собака залаяла, а он из шифоньера вывалился.

– Дверь была открыта, входная, я имею в виду?

Андрюха посмотрел на меня с намеком на отчаяние, насупился, а я решила, что самое время вмешаться мне, ясно, что участковый по большой дружбе желает меня выгородить, то есть пытается весьма неумело соврать, дескать, пришли мы вместе, и все такое… Честно говоря, связываться с милицией мне страсть как не хотелось, но врать я не умею, а потому не люблю, и если мы введем милицию в заблуждение, как я сообщу о Синем пиджаке? В том, что именно он убийца, я почти не сомневалась, да мне одного взгляда было достаточно… короче, личное личным, а общественное превыше, я должна помочь органам изобличить преступника, а если мне хорошенько намылят шею за то, что я по чужим балконам лазаю, так мне и надо, впредь наука.

Я вздохнула и заявила:

– Андрею дверь открыла я. А сама влезла через балкон.

– Да? – Родионов вроде бы заинтересовался.

– Да. Я пришла поговорить с Зюзей… то есть с ним. – Я ткнула пальцем в направлении пола. – Мне нужна была фотография, о ней я после расскажу, чтоб не сбиться. А он со мной говорить не захотел. А когда мы шли по коридору, я и Кузя, навстречу попался тип, я слышала, как Зюзя открыл ему дверь и спросил: «Это ты?» Мы вышли на улицу и спрятались в кустах. Этот тип в синем кожаном пиджаке, которого мы в коридоре встретили, минут через десять уехал на «Опеле», тоже синем, номер у меня в кустах записан на всякий случай, а мы еще немного погуляли и опять пошли к Зюзе, но он не открыл. Понимаете, из дома не выходил и дома его вроде нет. Это подозрительно, правда?

– Наверное, – неопределенно пожал плечами Родионов, хотя слушал меня внимательно.

– Ну и я залезла через балкон. В квартире пусто, я подумала, может, Зюзя где-то у соседей, и испугалась, потому что одно дело лезть в чужую квартиру, чтобы спасти человека, и совсем другое… В общем, вы понимаете.

– Понимаю, – кивнул Родионов.

– А мой племянник, который меня выследил, испугался и полез за мной вместе с Кузей, а тут как раз Андрей в дверь звонит. Мы ему все объяснили, и он тоже решил, что Зюзя где-то у соседей, мы собрались уходить, Кузя на шифоньер залаял, и оттуда вывалился труп. – Я вздохнула, глядя на Родионова, и только тут заметила, что два его товарища смотрят на меня, открыв рот.

– Она поймала маньяка. Помните, два года назад? – сообщил он, по-моему, совершенно не к месту, парочка принялась улыбаться, а один даже хихикнул. – А зачем вам Зюзя понадобился? – спросил Родионов, и я рассказала про фотографию.

Дядька, тот, что постарше, улыбаться перестал и вдруг заявил:

– Саша, посмотри-ка сюда.

Мне ничего смотреть не предлагали, но вы сами понимаете, что я, конечно, не удержалась и тоже взглянула. Дядька разжал Зюзе кулак, и мы увидели на его ладони клочок бумаги. Никакой дедукции не нужно было, чтобы сообразить: это обрывок фотографии, глянцевый, цветной…

Я вознамерилась упасть в обморок, но из этого ничего не вышло, я просто стояла, открыв рот и пытаясь понять, во что мы с Сенькой умудрились вляпаться.

– Когда вы видели этого Зюзю живым в последний раз, сколько было времени? Черт, – скривился он, – как зовут этого Зюзю?

– Зюзин Альберт Егорович, – приподнявшись с дивана, сообщил Андрюха, Родионов уставился на меня, а я сообразила, что меня скорее всего подозревают в убийстве, и побледнела. Вот и поделом мне, нечего лазить по чужим балконам.

– Вы думаете, это я его убила? – не удержалась я.

– Не думаю. А это вы его убили?

– Нет, конечно. Я только хотела забрать фотографию.

– Ага. Так в котором часу это было?

– Что-то около двух. Я закончила мыть посуду в половине второго, позвала Кузю, и мы пошли сюда. На все ушло минут пятнадцать, значит, с Зюзей мы встретились примерно без пятнадцати или без десяти два. Разговаривали минут пять, он соображал плохо…

– Все сходится, – кивнул дядька, который теперь не сидел на корточках перед Зюзей, а курил, стоя у окна. – Уточнить время можно после вскрытия, а сейчас могу сказать: убили парня примерно в два.

– Значит, его убил Синий, – пробормотала я. – То-то мне его глаза не понравились.

Само собой, Родионов стал расспрашивать меня о Зюзином госте, и я изо всех сил старалась припомнить, как он выглядит, но, кроме паршивого взгляда, ничем не порадовала. В памяти осел синий кожаный пиджак, а остальное: рост, вес, цвет волос, все как отрезало. Я даже заревела с досады и тут вспомнила про номер «Опеля».

– Я ж его записала в кустах на земле… – обрадовалась я и попыталась вспомнить номер, с «Опелем» вышло лучше, чем с его хозяином, в мозгу незамедлительно всплыли цифры 196, не зря я так долго пялилась на надпись под своими ногами, сидя в кустах. Андрюха вызвался сбегать в кусты и скоро вернулся сильно удрученный: от надписи и следа не осталось, в кустах меня сменил рыжий кот и песок использовал по своему усмотрению. В общем, ни номера назвать, ни описать убийцу я не могла и расстроилась даже больше, чем Родионов, потому что всегда считала себя внимательной и предусмотрительной. Меня еще немного поспрашивали, а потом, к величайшей моей радости, отпустили; я, честно скажу, к тому моменту уже видела себя в тюрьме почему-то с кандалами на ногах.

Сказав родной милиции спасибо неизвестно за что, я побрела домой, до угла меня провожал Андрюха Коломейцев.

– Как думаешь, меня посадят? – с тоской спросила я.

Он испугался:

– За что?

– Они ведь думают, это я его убила.

– С какой стати им так думать? Зюзя наркоман, а ты… что может быть общего между вами?

– Фотография, – вздохнула я.

– Из-за фотографии людей не убивают, – наставительно изрек участковый и оказался, ох, как не прав.

Мы простились на углу, Андрюха бегом вернулся в «малосемейку», а я побрела домой. Из ближайших кустов появился Сенька, затем Кузя, а вслед за Кузей возникла, как всегда чумазая, физиономия Васьки Чугунка.

– Отпустили? – прошептал он. – Недолго тебя держали, повезло. К ментам как попадешь…

– Да замолчи ты, – цыкнул на него Сенька, взял меня за руку и спросил: – Ты расстроилась?

Вопрос неожиданно вернул мне все привычные рефлексы.

– Обрадовалась, – рыкнула я и перешла на крик: – Марш домой, все… – Первым бросился Кузя, за ним мальчишки, ну и мне пришлось поднажать.

Дома мы поужинали в молчании и решили пораньше лечь спать, Кузю я оставила в квартире. Не то чтобы я кого-то опасалась, но присутствие собаки успокаивало, Чугунок остался, сам, не говоря ни слова, прошел в ванную, где минут десять зверски тер мочалкой лицо и руки, затем достал раскладушку и начал устраиваться. Я было хотела послать его домой, чтобы предупредить мать о том, что он дома не ночует, но, вспомнив, что за послед-

ние полгода Чугунок ночевал у меня раз тридцать, а мамаша этого даже не приметила, только махнула рукой.

Мальчишки делали вид, что спят, время от времени шушукались в своей комнате, Кузя вздыхал возле двери, должно быть, тоскуя о конуре и вольной жизни, а я сидела в кухне, прихлебывала давно остывший чай и невесело размышляла. Всю ночь я не сомкнула глаз, а утром, чуть свет, приготовив мальчишкам завтрак, отправилась в школу. Сторож, молодой парень, продрав спросонья глаза, шел за мной с ключами и вдруг поинтересовался:

– Дарья, а ты замуж не собираешься?

Я покосилась на него, прикидывая, к чему это он, и чистосердечно ответила:

– Соберусь, если на днях в тюрьму не посадят.

За работой я немного отвлеклась и даже начала подумывать, что, мол, не все так плохо, глядишь, и без тюрьмы обойдется, а в 11.30, возвращаясь из буфета, обнаружила Кузю в окружении детей (в каникулы у нас в школе работает летний лагерь), а вслед за ним и своего племянника, который сидел на подоконнике напротив моего кабинета.

– Ну что? – спросила я.

– Дядька приходил, тот, что высокий. Он вчера в ветровке был, а сегодня в футболке, потому что жарко. Со мной разговаривал.

– А ты ему сказал, что ты несовершеннолетний и допрашивать тебя без родителей он не имеет права?

– Само собой, я что, неграмотный? Дядька говорит, что это вовсе не допрос, он поговорить хотел.

– А какая разница?

– Ну, не знаю… Он и Чугунка выспрашивал. Слушай, Дарья, а по-моему, этот Родионов нормальный дядька, и он вовсе не думает, что это мы Зюзю укокошили.

– Так он тебе и скажет, что думает, – хмыкнула я. – Ладно, сходи в магазин, список и деньги на холодильнике.

– Я все купил.

– Молодец, однако двигай отсюда. Мне работать надо.

А вот работать не получилось. Я сидела за столом, поднимала крышечку с подарочной чернильницы и, подержав в руке, опускала на место, за этим занятием меня и застал Родионов. В дверь постучали, я крикнула: «Да!», потому что кабинет у меня довольно большой, до двери далеко, а в коридоре обычно шумно, и тут появился Александр Сергеевич, сказал: «Здравствуйте», улыбнулся и без приглашения плюхнулся на стул.

– Здравствуйте, – вздохнула я.

– Разговаривал с вашим племянником. Занятный парень. Мне понравился.

– Вы ему тоже, – порадовала я. – У вас ко мне дело или вы зашли сообщить, как вам понравился мой племянник?

– Честно говоря, я просто шел мимо. Дай, думаю, зайду.

– Сведения обо мне собираете? – вздохнула я. Родионов опять улыбнулся. «Если человек с такой улыбкой способен засадить меня в тюрьму…» Не успела я додумать свою мысль до конца, как он заявил:

– «Опеля» с номером 196 в нашем городе не зарегистрировано. Вы уверены, что ничего не напутали? Может, цифры другие или номера иногородние?

Он все еще улыбался, и я заподозрила, что он надо мной издевается, но, так как он вел дело об убийстве, послать его к черту я не могла, потому и ответила честно:

– Не знаю. Пока не увидела Зюзю мертвым, была уверена, а как увидела… Что-то с моей головой приключилось.

– Понятно, – точно радуясь чему-то, кивнул Родионов, затем поднялся, сказал: «До свидания» – и в самом деле ушел. А я окончательно скисла.

Само собой, меня подозревают, еще этот маньяк дурацкий, теперь не скажешь, что я попросту не могла справиться с Зюзей… смогла бы, да еще как. И Родионову это доподлинно известно, вот он и ходит, ждет, когда у меня сдадут нервы и я во всем признаюсь. Беда в том, что признаваться-то не в чем. Еще номер «Опеля» забыла… если бы у меня был этот номер… А почему, собственно, я решила, что убийца парень в синем пиджаке? Кто угодно мог прийти после него и задушить Зюзю… Но дядька сказал, убили его в два. Значит, Синий. Придется его найти. Уставясь на телефон, я пыталась решить, как это лучше сделать; дверь без стука открылась, и в кабинет просочился Чугунок. Несмотря на то, что вчера он дважды мылся и даже надел мою футболку, сейчас выглядел так, точно неделю жил в кочегарке.

– Чего тебе? – нахмурилась я.

– Девять и шесть – точняк, – заявил он, влезая на стул. Как я уже говорила, Васька коротышка, и ноги его до пола не доставали, когда он устроился на стуле.

– Чего? – не поняла я.

– Ну, номер этот. Я в кусты лазил, когда ты решила через балкон махнуть, оттуда наблюдать лучше. Но кот уже сидел там и одну циферку успел попортить, но девять и шесть – точняк, зуб даю, а чего между ними… – Васька развел руками и пригорюнился. – И что обидно, я ведь этот «Опель» тоже видел, вылетел из-за угла, я еще в сторону отскочил, нет бы на номер посмотреть, а я только матюгнулся вдогонку… знамо бы дело… Дарья, мы все в ментовку пойдем, пацаны так и решили…

– Зачем в ментовку? – испугалась я. – Чего опять натворили? Мало мне своих бед…

– Мы свидетельствовать пойдем, вот зачем. Чтоб они на тебя своих собак не вешали. Менты – народ подлый, запутают с протоколами и всякой там хреновиной…

– Марш отсюда! – рявкнула я и ткнула пальцем в сторону двери для убедительности. – Защитничек… Лучше б курить бросил, порадовал.

Чугунок стрелой вылетел в коридор, забыв закрыть дверь, затем вернулся на цыпочках и аккуратно прикрыл ее. Я же взяла карандаш, написала на листе бумаги цифры 9 и 6, оставив между ними пустое пространство, и на него уставилась. 9 и 6, а мне казалось 196; если Чугунок прав и он действительно видел две эти цифры, то между ними может быть любая из девяти. А почему тогда не единица? Номер «Опеля» 916? Еще часа полтора я размышляла над этим, а затем, отыскав в справочнике нужный телефон, позвонила Родионову. Он сам снял трубку.

– Слушаю.

– Александр Сергеевич, – запинаясь, начала я. – Это Дарья Агафонова. Кажется, я вспомнила номер «Опеля». Девятьсот шестнадцать. И номера точно наши, потому что в противном случае я что-нибудь бы подумала, а я не подумала, значит, ничего такого не было.

– Ясно, – обрадовался Родионов. – Спасибо, Дарья Сергеевна. Если еще что вспомните, сразу звоните.

Мне показалось, что он хихикнул, но утверждать это я бы не стала и все же, вешая трубку, чертыхнулась. Ничего не поделаешь, этот Родионов убежден в моей виновности. Что ж, придется самой о себе позаботиться, чтоб не оказаться в тюрьме.

Я решительно сняла телефонную трубку и набрала номер. Звонила я начальнику ГИБДД города, его сын, кстати сказать, четвертый год занимался в нашей школе и делал успехи. До Антипова я дозвонилась с третьей попытки и начала с места в карьер:

– Валерий Иванович, на нашу клумбу хулигански наехали. Ребятишки видели синий «Опель», вроде бы номер девятьсот шестнадцать или похожий… Может, кто из родителей, что детей встречают, постарались? Я их осенью заставлю все клумбы перекапывать…

– Узнаем, – заявил Валерий Иванович. – «Опель», значит? Синий… так и запишем. Перезвоню минут через пятнадцать.

Он позвонил через десять:

– Терентьев Виктор Кузьмич. Есть у нас такой?

– Сейчас по журналу проверю. Спасибо вам огромное. А адреса случайно нет, чтоб окончательно увериться?

– Есть и адрес, записывайте.

И я торопливо записала: проспект Космонавтов, дом тридцать шесть, квартира восемнадцать. Ну и что теперь? Сообщить об этом Родионову? Сообщу, он арестует несчастного Терентьева, а это вовсе не Синий пиджак. Нет, для начала мне надо на него взглянуть.

Я перевела взгляд на часы, нормальные люди в это время скорее всего работают, но на месте мне все равно не усидеть, к тому же Синий мало походил на нормального. Я взяла со стола бумажку с адресом и покинула школу.

Проспект Космонавтов находился в районе новостроек, и добиралась я туда троллейбусом ровно сорок минут. Вообще-то я предпочитаю ходить пешком, и эта поездка меня изрядно утомила, однако были в ней и свои положительные стороны. За сорок минут я успела успокоиться и даже выработать какое-то подобие плана. Еще минут пятнадцать я потратила на поиски тридцать шестого дома. Располагался он за большим сквером, и обнаружить его оказалось делом непростым, тридцать четвертый на виду, тридцать восьмой тоже, а вот тридцать шестой точно черти слопали. Редкие в это время прохожие качали головами и не могли объяснить, куда подевался тридцать шестой дом. Выручила моя врожденная гениальность, я обошла сквер и уперлась в девятиэтажку с цифрой тридцать шесть на фасаде. Труды мои были вознаграждены, потому что не успела я войти во двор, как тут же увидела «Опель» с номерным знаком 916. Сердце забилось чаще, и я даже немного постояла, боясь, что оно возьмет да и выпрыгнет, весьма некстати, если учесть, что я продвинулась в своих изысканиях и почти нашла Синего. Прогулявшись по двору, я направилась к первому подъезду и поднялась на четвертый этаж. План мой был исключительно прост: если в шестнадцатой квартире живет Синий пиджак, я звоню Родионову. Синий, безусловно, узнает меня и, очень возможно, начнет охоту (в фильмах, что я время от времени смотрела, именно так все и происходило), тем самым убийца быстро себя изобличит. А меня, само собой, будет охранять симпатичный Родионов или, на худой конец, участковый. Если же в шестнадцатой квартире живет вовсе не предполагаемый убийца, я побалую его сказочкой, которую придумала по дороге, и попытаюсь узнать, как его машина оказалась у Синего пиджака.

Собравшись с силами, я нажала кнопку звонка. Послышались торопливые шаги. Дверь открылась, а я выпучила глаза: передо мной стоял Тошка Сидорчук, которого я уже некоторое время прочила в чемпионы.

– Дарья Сергеевна, – расплылся он в улыбке, – проходите. Вот мамка-то обрадуется.

Мамка в самом деле обрадовалась, причем до такой степени, что забыла поинтересоваться, по какой надобности меня черт принес.

– Ой, Даша, – пропела она, появляясь из кухни. – Проходи. Я тебя сейчас таким пирогом угощу…

Надо пояснить, что во времена, когда я еще не была директором, Ольга работала у нас в школе аккомпаниатором, потом занялась бизнесом, говоря проще, стала торговать на рынке, и теперь виделись мы редко. Переезд на новую жилплощадь и появление некоего Терентьева Виктора Кузьмича в ее жизни было для меня неожиданностью.

– Хорошая квартира, – закинула я удочку, осматриваясь.

– Да… большая… правда, никак не привыкну, и район не очень. У нас дворик был тихий, а здесь… но сколько можно в «хрущевке» жить? Тошка растет, ему комната необходима. Да и Виктору Кузьмичу кабинет… Мы его и мою квартиры продали, добавили денег и эту купили, четырехкомнатную.

– Значит, ты замуж вышла? – сообразила я.

– Ага. – Ольга улыбнулась и скороговоркой выпалила: – Он хороший и Тошку любит, и вообще мы хорошо живем. Виктор Кузьмич – мужчина непьющий, конечно, постарше меня, но это, может, даже хорошо…

– А чем занимается Виктор Кузьмич?

– Он художник… – с легкой заминкой ответила Ольга, ловко накрывая на стол. – А сейчас у него своя мастерская, изготавливают двери, рамы, лестницы. Высокохудожественные изделия. Хочешь, фотографии принесу?

– Какие? – не поняла я.

– Ну… окна, двери… может, тебе что понравится?

– Мы сейчас ремонт не планируем, денег нет. Но если вдруг появятся…

Мы стали пить чай, а я прикидывать, как половчее узнать о Синем. Помог мне Тошка; уплетая пирог, он заявил с набитым ртом:

– Дарья Сергеевна, а у нас «Опель», новый. Папка его месяц назад купил.

– Это не он во дворе стоит, красивый такой?

– Он, – раздвинул рот до ушей Тошка. – Правда, здоровский?

– Мимо не пройдешь.

– Помешался на машинах, – шутливо нахмурилась Ольга. – Только иномарки на уме… А с «Опелем» этим одни нервы. Виктор Кузьмич – человек творческий, у него знаешь как: задумается и сам себя не помнит. Сегодня все утро ключи искал, так и поехал на работу троллейбусом, а я весь день у окна торчу, чтоб его, окаянного, не угнали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.